

• ПРОСТО ФАНТАСТИКА •

Мария Кузьмина

ДЕВУШКА СО СПИЦАМИ

Мария Кузьмина
Девушка со спицами
Серия «Просто фантастика (ДетЛит)»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73882012
Девушка со спицами : фантастический роман / Мария Кузьмина :
Детская литература; Москва; 2026
ISBN 978-5-08-007660-2*

Аннотация

Румяна – не обычная школьная учительница, а попавшая в наш мир из другого пространства и позабывшая всё о своём прошлом сказочная героиня! Похоже, что за девушкой кто-то наблюдает и изучает: как сказочный персонаж из Мира Образов справится с проблемами, которое появляются в обычной школе с самыми обычными детьми, ведь теперь Румяна будет преподавать географию – самую важную дисциплину (по её мнению). Волшебство и непедагогичность, ложь и воображение, наука и сказка – всё это дает ей возможность стать настоящей. Но разве не настоящий тот мир, в котором она жила прежде, где были её любимые и родные люди? В этой истории переплелось всё, все сферы бытия. Но главное, что объединяет пространства, – это любовь, семейные ценности и вера в лучшее. И Румяна свяжет своими спицами новую сказку!

Для среднего и старшего школьного возраста.

Содержание

Благодарности	8
Пролог	10
Глава первая. Милая девушка и таинственный знак	17
Глава вторая. Помощница меняет профессию	33
Глава третья. Жаба в обмороке и другие звери	48
Глава четвёртая. Мусор на / в голове	65
Глава пятая. Глава пятая спасти Еву	82
Глава шестая. Спицы и очки	106
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Мария Кузьмина

Девушка со спицами

© Кузьмина М. А., 2026

© Латынцева А. В., иллюстрации, 2026

© Оформление серии. АО «Издательство „Детская лите-

Однажды городу дорог
Перо упало на порог.
Схоронено, как спица в стог,
В лесу, где был овраг отлог,
Где Кедр рос, красив, широк,
Дав имя городу дорог.
Срубили! Есть ли что мерзей?
Перо упрямяно в музей.

Директор в городе дорог
Искал того, вести кто б смог
По географии урок.
Нашли её: видок убог,
Не видит за бревном сучок,
Притом остра на язычок.
Полна идей, сетей, затей
Для вдохновения детей.

Что ищет в городе дорог?
Ответа. Но ответ жесток.
А спицы, словно слова слог,
Волшебного пера намёк,
С овцы научной шерсти клок, —
Ведут в нору, и путь далёк, Неузнан. Оттого смелей
Прыжок из царствия теней.

Благодарности

Благодарю тех, кто прошёл со мной долгий путь к изданию этой книги. Тех, кто помог замыслу обрести плоть, обрести нужными словами и закрепиться наконец на бумаге.

Благодарю организаторов Литературной мастерской Сергея Лукьяненко за то, что предоставили рукописи про Румяну шанс стать частью литературного процесса. Благодарю руководителя осенней секции Литмастерской «Фэнтези и мистика» (2023) Марию Васильевну Семёнову за профессионализм, чувство такта, чувство юмора и любовь к России. Благодарю участников нашей секции – никакой «Девушки со спагетти» не было бы, если бы не они: Елена Абрамкина, Ольга Валентеева, Андрей Журкович, Ольга Куранова, Алексей Недобежский (Винд Таро), Дарина Стрельченко, Надежда Фещенко, Марина Фокина. Отдельная особая благодарность Анне Трофимовой – не только коллеге по секции,

но и нежному, деликатному редактору. Редкая удача для произведения – оказаться в её заботливых руках.

Сердечное спасибо тем читателям рукописи, благодаря рекомендациям которых мне удалось довести текст до кипения и вовремя снять с огня: Ольге Павловой, Евгении Пановой, Epigta_net, Алине Шеффер.

Спасибо вам, коллеги-учителя, за ваш подвиг и пример. Спасибо моим замечательным ученикам за роскошь общения.

Благодарю семью: мужа Алёшу, любимого без меры, – за терпение, заботу и любовь; маму Светлану – всегда первого читателя и мудрого критика, своим примером показавшую мне радость творчества. Благодарю моих детей – Михаила, Екатерину, Елену и Марину, главных и обожаемых вдохновителей на всё самое лучшее, что проявилось во мне, и благодарю мою сестру Дашу за то, что она солнышко.

Пролог

*География – самое приличное занятие для
учения детей.*

Иммануил Кант

*Облака мыслей, гонимые ветрами мотивов,
проливаются дождём слов.*

Л. С. Выготский

2006 год, окрестности Кéдрова Кóлка

Ворон был мёртв. Барокко потрогал его палкой – тот не шевелился.

– Прекрасный экземпляр, – пробормотал мужчина и погрузил ворона в пакет.

За спиной раздался шорох, Барокко резко оглянулся: из-за дверцы строительного вагончика выглядывало испуганно-виноватое лицо. Вслед за лицом показалось тело чрезвычайно странного вида. Тощее до невозможности, оно было втиснуто в чёрный шёлковый старинный камзол, изрядно запылившийся и застёгнутый до самого подбородка; на ногах – старомодные бриджи цвета сажи, под ними гетры, натянутые на обувь и грязные внизу, а из-под них уже торчали носки туфель. «Однако ампир», – невольно подумалось Барокко, мнившему себя специалистом по историческим стилям. Фамилия обязывала.

– Простите, господин... – проблеял тощий.

Барокко нахмурился. Какое странное обращение! И ещё это одеяние, совсем не подходящее для конца марта. Этот уж точно не строитель. Тут Барокко осенило:

– Ты из поселений?

В полутора часах езды от Кéдрова располагались дерев-

ни репрессированных в прошлом поселенцев¹. Ни сами эти люди, ни даже их потомки так и не смогли вписаться в общественную жизнь, доживая свой век в оторванном от мира захолустье. Совсем редко кого-то из них прибывало к научному городку.

Вот и сейчас, услышав о поселениях, человек усиленно закивал.

– Пойдём уж, – неожиданно для себя сказал Барокко.

Он рассчитывал лишь на ворона, но раз уж в сеть угодила эта тощая «рыбёшка»... Несмотря на неприглядный вид незнакомца, Барокко заметил умный и цепкий взгляд, а для такого у него уж точно найдётся работа.

Когда двое с вороном в пакете вышли к остановке, Барокко кто-то задел плечом. Перед ним стоял невысокий плотный человек в клетчатых брюках, в пальто и в котелке.

– А у вас, случайно, не птица в пакете? – довольно нагло спросил клетчатый.

– А вам есть дело? – поинтересовался Барокко.

– Конечно, – с готовностью ответил клетчатый. – Я таксидермист. Сделаю вам чучело, как живое!

– Хм, есть ли у вас рекомендации? – Барокко окинул незнакомца недоверчивым взглядом.

Тот выглядел элегантно и аккуратно, и это отзывалось вкусу ценителя модной одежды и знатока исторических сти-

¹ Репрессированный – человек, отправленный в места заключения по политическим или идеологическим мотивам.

лей.

– О да, за меня ручается профессор Тропп, можете уточнить у него. Ну как, по рукам?

– По рукам, – произнёс Барокко и передал клетчатому пакет вместе со своей визиткой.

Автобус до Кедрова отъехал от остановки «Тихий посёлок» и покатил по пустынной замёрзшей дороге. Барокко достал из кармана пальто календарик и убедился в том, что сегодня новолуние, в придачу ещё и солнечное затмение! Подходящий день для странных знакомств. И правда, спутник в бриджах с цепким взглядом быстро доказал, что встреча с ним – настоящая удача. Завязав разговор с новым знакомым, Барокко с удивлением отметил, насколько смышлёным оказался этот тщедушный, пыльный и невзрачный на вид тип.

...Барокко удивился бы ещё больше, если бы успел выглянуть в окно отъезжающего автобуса. Вдоль дороги, окутанный выхлопными клубами, шёл клетчатый господин, а на его плече сидел ворон.

Вечером того дня клетчатый был уже за сотню километров от Кедрова. А когда настала ночь, накрыв большой звёздной крышкой робкое тепло весеннего дня, клетчатый сидел на шершавой ветке громадной старой лиственницы, которая росла из избы. Он болтал толстыми ножками и объедал вяленую воблу, держа рыбку за хвостик. На массивных ветках чуть повыше расположились большой человек в мешковатом плаще, чернотой волос, усов и бороды сливавшийся с без-

лунной ночью, и женщина в тюрбане и пёстром балахоне.

– И нечего морщиться, я целый день ничего не ел, – заявил клетчатый чёрному.

– Воспитание не позволяет мне сказать, что я об этом думаю, – отвечивал тот.

– Поэтому возмущайся молча, пока я ем, – парировал клетчатый.

– Я вам не мешаю? – возвысила голос пёстрая. – Будете препираться или перейдём к делу?

Клетчатый обьел последнюю косточку и аккуратно положил скелет рыбки рядом на ветку.

– Не мешаешь. Хотя лично я не понял, чего вы так переполошились.

– Вина прошёл через тропос, – произнёс чёрный.

– Ну и что? Заскучает – вернётся, – отвечал клетчатый, бросая взгляд на рыбку: вдруг ещё что-то осталось?

Пёстрая серьёзно посмотрела на него и стала говорить, загибая смуглые морщинистые пальцы:

– Вина имеет знания мудрецов – раз; охотник в Кедрове ищет перья Птицы для перехода через тропос – два; Пересвет сделал такие, как эти перья, – три. Представьте, что моя девочка...

– Следила бы за своей девочкой, не было бы проблем, – перебил клетчатый.

– Что моя девочка, – с нажимом продолжила пёстрая, – окажется тут. Это вопрос времени.

– Это вопрос воспитания, – проворчал клетчатый, – с которым ты не справилась!

– Внимание, говорит эксперт по воспитанию! – Чёрный сверкнул глазами на клетчатого. Потом он обратился к пёстрой: – Действительно, скоро она окажется здесь, а точнее... – Чёрный закрыл глаза, что-то вспоминая. – Девять градусов, тридцать две минуты Льва. Через полтора года.

Все трое невольно посмотрели вверх: прямо над ними сиял величественный Лев, мигал в безлунной черноте Регул – самая яркая звезда созвездия, которое именно в это время было так хорошо видно.

– Не изображай самого умного, все знают, когда будет следующее затмение, – сказал клетчатый. – Вы не заставите меня вмешиваться в то, что должно случиться. Моё дело – сохранять баланс между мирами, большего не требуется.

– Моё дело – заботиться о моей девочке!..

– Наше дело – беречь тропосы и договориться всё решать сообща, – строго произнёс чёрный.

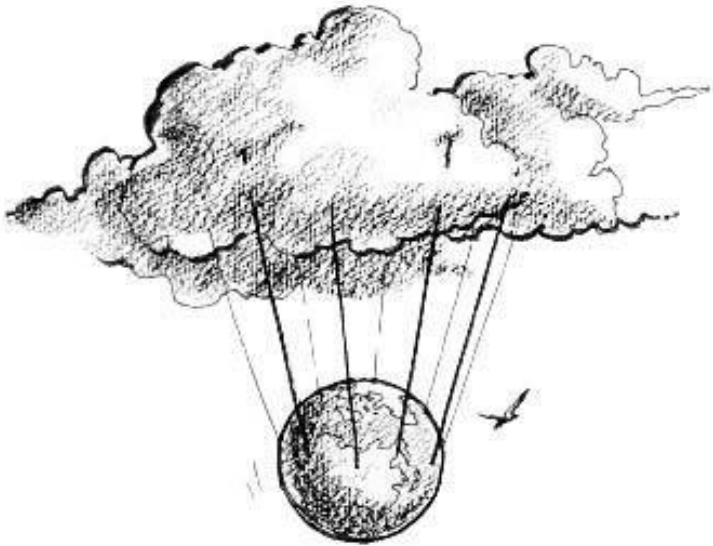
– Слушаемся, академик! – задрал ладонь ко лбу, сказал клетчатый.

– Но мы же обсудим детали? – встрепенулась пёстрая.

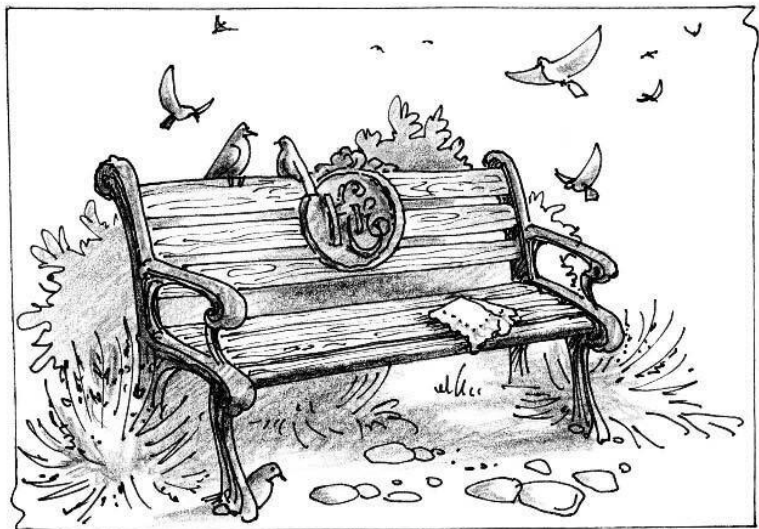
...Рак, Лев, Дева, а с ними и многие другие плыли по небу на восток, а трое собеседников всё никак не расходились – сидели на ветках, как приклеенные. Чёрный и пёстрая негромко переговаривались, а клетчатый тем временем извлёк откуда-то вторую воблу и задумчиво жевал, глядя

вдаль. Непонятно как, но в густой темноте он различал заснеженные поля с редкими ещё проталинами, тёмную речку неподалёку, тонкий дымок из кирпичных труб...

– Пойду я, товарищи, на печку греться. А вы – как хотите. – И клетчатый проворно спустился с лиственницы и исчез в ночи мартовского новолуния.

Глава первая. Милая девушка и таинственный знак

2008 год, Кедров Колок

Румяна не предполагала, что этот день, восьмое сентября, положит начало пути к себе. Себя у неё было очень мало. Всё, что она помнила, – это последние пять недель, которые жила в научном городке Кедрове. Всё, что было раньше, терялось в темноте забвения. Даже внутренний голос – тот самый, знакомый каждому то критик, то вдохновитель или просто комментирующий всезнайка, – этот внутренний голос, кажется, принадлежал не ей. Кому же тогда?

Скорее всего, Ампинову, её начальнику и руководителю методического кабинета отдела образования. Благодетель, который помог ей освоиться на новом месте после трагической гибели семьи и потери памяти. Всё, что Румяне было известно о себе со слов начальника, – ей двадцать девять, она одинокая и теперь – сирота, родом из захолустного местечка, где замкнутой общиной жили репрессированные. Ампиров взял её в отдел, обучил работе с документами. Помощница справлялась на удивление легко – моментально запоминала детали, схватывала новое на подлёте, будто память, свободная от прошлого, жадно глотала настоящее и просила добав-

ки.

Ампиров гордился собой. Ему удалось научить помощницу той работе, которая ему не нравилась, – теперь вся бумажная рутина была на ней. Он радовался, что взял над ней шефство, а она чувствовала себя обязанной ему – своему единственному заступнику и покровителю в этом холодном и жестоком мире.

Правда, Кедров нельзя назвать таким уж жестоким. Научный городок, построенный в прошлом столетии среди кедровника, отличался вольными нравами учёных и прочих обитателей. Сливки кедровского общества привыкли преследовать исключительно личные интересы, задвинув представления о справедливости на чердак прошлого. Ампиров разделял эти взгляды и быстро дослужился до начальника методического кабинета отдела образования Кедрова. Он преуспел в азбуке взаимных услуг и был уважаем за это местной научной элитой.

Хотя Винир Виленович Ампиров появился в городке всего пару лет назад, он неплохо устроился в новой гавани и успел обрасти личными и профессиональными связями, как корабль ракушками. Школьное образование оказалось удачной областью для приложения его талантов. Дети всех важных персон обучались в двух школах Кедрова, которые контролировал его отдел, а это что-нибудь да значило. Ампиров стал ловким специалистом по нанизыванию падежей и прочим языковым упражнениям чиновника средней руки. «В

совокупности, общий уровень показателей статистики анализа результатов объективности итогов...» Он умел опутывать суть проблемы паутиной слов-ловушек: вроде что-то сказано, а что именно – простые смертные не поймут.

Погода первых дней сентября радовала, но голова болела с самого утра. Раскалывалась. Ампилов пил янтарную кислоту, таблетку за таблеткой. Его матушка уверяла, что янтарь всегда поможет в проблемах с головой и памятью. «Янтарь, ладан, живица² и жемчуг даруют вечную молодость», – это тоже матушкины слова. На что только женщины не готовы пойти ради «вечной молодости»! Да и он сам во что ввязался ради этой самой молодости? Ампилов покосился на помощницу. Она смиренно перебирала бумаги. Волосы, как обычно, парили в воздухе. Он поморщился. Сколько раз говорил ей разобраться с этим беспорядком на голове! В самой-то её голове он наведёт порядок, тем более помощница попалась на редкость послушная. Загрузил по самую макушку. Вот она сосредоточилась на одном документе, интересно, что там вычитала?

Так и подмывало обратиться к ней, чтобы отвлечь, уловить взгляд глаз-янтарей и с удовольствием увидеть в них покорное ожидание его приказа. Да, как же ему повезло, что она такая послушная. И ещё замкнутая – тоже ему на руку. Поначалу пыталась общаться с местными дамочками. Инга из кадрового отдела так хохотала, когда рассказывала, как

² Живица – смоляная смесь, вырабатываемая хвойными деревьями.

они в курилке уговорили новенькую затянуться сигаретой, а у той пар повалил из ушей. «Прямо из ушей, Винир Виленович!» – всё повторяла и повторяла Инга, захлёбываясь своим рассказом, как принтер зажёванной бумагой. Ампилов пытался урезонить Ингу и её компанию, но та отмахивалась: мол, мы же пошутили! Потом местные девчата, хихикавшие над причёской скромной помощницы, принялись бороться с её непослушными волосами: «Милочка, вашим волосам требуется уход!» Они вылили ей на голову половину пузыря геля для укладки – и бедняжка целый день ходила с торчащими прядями-спиральками, как сумасшедший дикобраз. Короче говоря, не получилось у его помощницы влиться в женскую часть коллектива, занимавшую кабинеты большого здания администрации. На работе Ампилов стал её единственной компанией.

Он и не жаловался, ему было не в тягость. Если бы ещё унять эту головную боль, если бы просто бросить всё и уйти, но сегодня никак не получится. Сегодня его пристанище – душный кабинет с ворохом бумаг, и все бумаги ругательные. Всё из-за новой системы аттестации, которая в этом году развернулась почти по всей стране. Сколько перемен и обсуждений из-за этого ЕГЭ! Ампилов проклинал свою инициативу, которую он так неосторожно выдал на прошлой встрече с работниками школ. Предложил учителям высказаться о новой системе аттестации выпускников! В кои-то веки дать им слово! И что в итоге? А то, что теперь ему как-то надо

выгребать из моря негатива, которое вылилось на него как на руководителя. Но перед начальством надо отчитаться, что никаких жалоб нет... А значит, снова придётся врать и снова покупать эти мятные леденцы, единственное, что могло вытравить горечь во рту от бесконечного вранья.

– Винир Виленович, тут жалоба директора десятого лица... – подала голос Румяна.

Ампиров поднял на неё глаза, растирая виски в надежде ослабить боль.

– Что не устраивает нашего друга Барокко? Чего ему не хватает?

– Учителя географии.

– Их всегда не хватает. Мне-то он зачем пишет? Или он хочет, чтобы я сам стал учителем? – От головной боли Ампиров быстро раздражился.

– А может быть, я попробую? – тихо спросила Румяна.

– Что попробуешь? – не понял Ампиров.

– Учителем. Географии...

– Ты в своём уме, Румяна Нарекаци? – Ампиров всегда называл её фамилию, когда злился.

Румяна помолчала, словно размышляя над этим вопросом.

– Я пока ещё в своём. Нечего тебе там делать, – отрезал Ампиров.

– Винир Виленович, мне бы очень хотелось попробовать. Вдруг получится? Я уже столько книг по геологии прочитала

в книжнице у академика, что...

– В библиотеке! – поморщился Ампилов. – Когда я уже отучу тебя от этих диких словечек!

– Как скажете. Но можно попробовать?

Ампилов задумался. *Что* ему выгоднее: оказать услугу Барокко или сохранить помощницу? Которая, кстати говоря, от него и так никуда не денется... Тем более он у директора в должниках, а так – получится как бы наоборот.

– Говоришь, книги читала? – Ампилов недоверчиво посмотрел на Румяну. – Думаешь, каждый человек с улицы может быть учителем? Прочитала пару книжек – и всё?

– Вообще-то не пару, а двадцать восемь, – спокойно возразила Румяна. Она старалась не показывать начальнику, как она стремится вырваться из бумажного затворничества на волю. – Включая былины и басни.

– Не басни, а художественную литературу, – снова поправил Ампилов. – Нет уж, лучше делом займись. Вот тебе документы для Троппа, есть тут у нас такой учёный-чудак. Отнеси ему и принеси другие. Скажешь ему, что от меня, он знает...

2

Румяна шла в университет, который местные почему-то называли «Внук». Дорога ей нравилась – по парку Ботаников, вдоль Большого Кедрового кольца. Слева – цветение

ранней осени и тёмно-изумрудные кедры на дальнем плане, справа – поблёскивающие рельсы в асфальтовой россыпи с проросшей, ещё яркой травой. Радостные ноты птичьего переклика вплетались в настроение этого дня. Румяна улыбалась солнцу, а её непослушные медно-рыжие волосы парили как в невесомости, то вытягиваясь, то закручиваясь пружинками, – словно антенны, настроенные улавливать ещё невидимые, но неотвратимо наступающие перемены в жизни хозяйки.

Звуки природы в городе зовутся *тишиной*. В Кедрове не было машин, только трамваи и велосипеды – аккуратные, скромные виды транспорта. Рельсы двух кольцевых дорог стали частью природы городка – так подходящая рама образует одно целое с картиной. Даже ритмичное шуршание проезжавшего мимо трамвая слилось с тишиной городка, стало её частью.

До «Внука» идти недалеко, а солнечный день манил задержаться возле любимого места в парке – вересковой скамейки.

На скамейке кто-то всхлипывал. Румяна неслышно подсе- ла к плачущей синеволосой девочке, озираясь по сторонам.

– Могу тебе чем-то помочь? – спросила Румяна.

– Взорвите мою школу, – гнусавым от слёз и соплей голо- сом ответила девочка.

– А в какой школе ты учишься? – участливо поинтересо- валась Румяна.

– В Десятке! Где же ещё?!

– Это одна из лучших школ города, – повторила Румяна слова, которые много раз слышала от начальника.

– Террариум. Лучший из лучших. – Девочка шумно шмыгнула носом.

Румяна протянула ей платочек с узорными дырочками по краям. На лице девочки читалось недоумение: «Что за антиквариат?! Кто сейчас сморкается в кружевные платки?»

Румяна несколько раз за время разговора настороженно оглянулась, и скоро стало ясно почему: деревья вокруг вздрогнули, зашевелились, и с них слетели всевозможные птицы – рябинники, поползни, зарянки. С Площади и окрестных улочек хлынули вездесущие голуби, крикливые воробьи, шумные сороки... Окружили, как обычно, стоило ей остановиться и задержаться на месте. Будто в неё был встроены датчик, вещающий на птичьей и при каждой остановке включавший режим «зов». Румяна ничего не имела против птиц, даже наоборот – птицы заменяли друзей. Но люди вокруг сторонились, подозрительно поглядывая на окружённую птичьим базаром девушку.

Вот и девочка с синими волосами, похоже, такого никогда не видела. Она смотрела открыв рот, забыв шмыгать носом. Птицы кружились над незнакомкой серым чирикающим смерчем, создавая воронку над её головой. Торчащие в разные стороны волосы пускались в дикий танец, переплетаясь, как рыжее гнездо. Теперь девочка лучше представи-

ла выражение «волосы встают дыбом» – похоже, это выглядит именно так! Зрелище гипнотизировало; казалось, птичье кружение и безумный вихрь из волос вот-вот сольются в одно, и тогда...

Но вот вокруг рыжеволосой рассыпаются крошки... Она что, просто кормит птиц? Достает из своей недосумки, больше похожей на носок, кусочки хлеба, растирает между пальцами и бросает только что кружившим в вихре птичкам, которые теперь мирно шагают и прыгают вокруг них.

Румяна выдавила улыбку, как бы прося прощения за невольное представление. Хотела утешить девочку, но снова эти птахи... Чтобы разгонять их, её начальник носит с собой трость. А она носит хлеб. Синеволосая тарасилась на неё с минуту; потом, сморгнув и вскинув на плечо выдавший виды рюкзак, ушла.

3

Фасад университета украшал огромный витраж, в котором Румяна угадала изображения Луны слева, Солнца справа, а посередине, между двумя входными дверями, – раскидистый кедр. Двухэтажное здание венчалось башней с длинными узкими окнами и обсерваторией наверху. Левое и правое крылья университета обнимали внутренний дворик с фонтаном и скамейками.

Перед главным входом был памятник – мужчина в очках

расслабленно расположился на бронзовой скамье и смотрел на проходящих с улыбкой. «Деду от благодарных внуков» – гласила надпись. Румяна зашла внутрь и попала в перекрестье солнечных лучей, расцвеченных витражными стёклами. Кабинет профессора был на втором этаже.

За дверью слышались голоса. Глубокий, бархатный что-то требовал; второй – тихий, размеренный – будто рассказывал сказку на ночь. Постучав, Румяна вошла в светлый небольшой кабинет, заставленный стеллажами с книгами. Опираясь о подоконник и сложив руки на груди, прямо напротив неё стоял высокий брюнет с недовольным выражением лица. Седовласый бородач в очках, что стоял слева, в серых брюках с красными подтяжками, обернулся на вошедшую и вопросительно посмотрел вверх очков:

– Чем могу помочь?

– Я от Ампинова с документами. Мне нужен профессор... – начала было Румяна.

Но старик в подтяжках махнул рукой и жестом пригласил гостью входить.

– Знаю, знаю!.. – сказал он. – Положите на стол. А мне вам тоже что-то надо передать, так ведь, кажется?

– Да, разработку урока для школ, – сказала Румяна.

Брюнет нервно достал из жилета часы, блеснувшие золотом. Жилет у него, надо сказать, был примечательный. Румяна не могла взгляда отвести от этой кричащей роскоши. По бордовому бархату шла тонкая вышивка – два павлина

с раскрытыми хвостами, которые оживлял переливающийся синий бисер.

– Милая девушка, то, что вам нужно, на столе. Поищите, пожалуйста, сами. Вот, присаживайтесь. – Профессор пододвинул Румяне стул.

Перед ней высились стопки книг, тут и там торчали бумажки, перекрывая раскрытые блокноты и папки. Из-за книг едва виднелся старый квадратный монитор.

Профессор Тропп, а это был именно он, отошёл от гостыи, возвращаясь к прерванному разговору:

– Коль скоро наш прославленный институт АТОМ занимается автоматизацией творческого образа мышления, я посчитал нужным открыть эту театральную студию. Но что вас смущает, Илья Петрович? Я слышал, вы и сами устраиваете спектакли для своих учеников.

– Ну это же баловство, – поморщился директор лицея Илья Петрович Барокко, словно считал отсылку собеседника неуместной. – А вы делаете посмешище из серьёзного заведения. Вы знаете, *как* вас называют за глаза?

– Просветите-ка! – Глаза Троппа лучились любопытством.

– Сказочником!

Профессор довольно хмыкнул и сказал, прищурившись:

– Это слава. Вы так не считаете, а, Илья Петрович?

– Сомнительная слава для серьёзного учёного!

– Сколько пафоса. Признайтесь лучше, что вам подавай

не сказочные игры, а компьютерные. Такую автоматизацию вы считаете правильной?

– Вы знаете, что это так, профессор. Вас интересует контроль над творчеством, а меня – создание искусственного мыслителя.

– Верно подметили. А кто-то считает, что это одно и то же! Но нет. Вы, Илья Петрович, тренируете своих киберспортсменов, чтобы они продвигали развитие виртуальной реальности. Вы хотите сделать искусственный заменитель творчества, а я – довести творческий импульс до автоматизма. Актёрская студия позволяет проявлять те стороны творчества, которые обычно скрыты. Проговаривать их.

– Здесь вы учите притворяться, а в соседней комнате – выводите на чистую воду, – усмехнулся Барокко.

– Вы о детекторе лжи? – весело спросил профессор. – Воображение и ложь – две стороны одной медали, два свойства нормального развития человека...

Вдруг раздался шум. Собеседники тотчас уставились на Румяну, которая с виноватым видом поднимала упавшую книгу, – на словах Троппа о лжи она вздрогнула, почувствовав будто укол памяти. В то мгновение она как раз рассматривала повторяющийся в блокнотах профессора рисунок – что-то вроде буквы «з» с вытянутым в прямую линию нижним полукольцом. «Ложь» и этот знак как-то связались вместе в её голове, но почему – она, увы, не помнила. Других рисунков Румяна не заметила – профессор рисовал только

эту закорюку. Почему-то Румяну это не удивило: она и сама с наслаждением разглядывала рисунок, проводя по нему пальцем, будто он был ей знаком.

– Простите... – пробормотала она. – Красивый рисунок. Что это такое? – Румяна показала на знак, удивляясь собственной смелости. Ампинову бы такие вольности не понравились.

Барокко вытянул шею, пытаясь увидеть, о чём спрашивает девушка, и вдруг усмехнулся:

– Ваша гостя тоже интересуется сказпером, профессор...

– Как и вы, – нахмурился Тропп. – Вы ведь за этим пришли на самом деле? Но я вам всё уже сказал. Я давно его не видал. И думаю, это к лучшему. В прошлый раз ничем хорошим это не кончилось.

Профессор совсем помрачнел, вспоминая, по-видимому, что-то очень печальное, но Барокко не обращал на это внимания, продолжая тему:

– Но не отрицайте, вы всё же по нему скучаете. Это же единственный материальный факт вашей теории...

– Из-за которой, как вы заметили, меня прозвали сказочником.

– Конечно! Кто может поверить в то, что подобные артефакты появляются из загадочной сферы Земли – Царства разума³!

³ Согласно теории В. И. Вернадского (1863–1945) новая стадия развития биосферы – ноосфера (сфера разума) проявляется в том, что разум человека оказы-

– Вот и правильно, и не верьте! Никто не верит – и вы не верьте. – Тропп стремился завершить неприятный для него разговор.

Но Барокко кружил и кружил, как стервятник, будто ожидая, что ему обломится кусочек от секретов Троппа.

– И всё-таки вы утверждали, что эти перья появились – откуда? – из ничего!

– По-вашему, мысли и идеи – это «ничего»? Все окружающие предметы появились из мысли!

– Мысли и артефакты – у них разная форма существования. Ничто не получится из ничего – первый закон термодинамики.

– Форма жизни более высокого уровня адаптируется к нашим условиям, приспосабливается, становится...

– Артефактом? – произнёс Барокко таким тоном, будто его заставили озвучить глупость.

– Вам-то что до того? – сердито проворчал Тропп. – Вам, Илья Петрович, такие артефакты вообще давать нельзя.

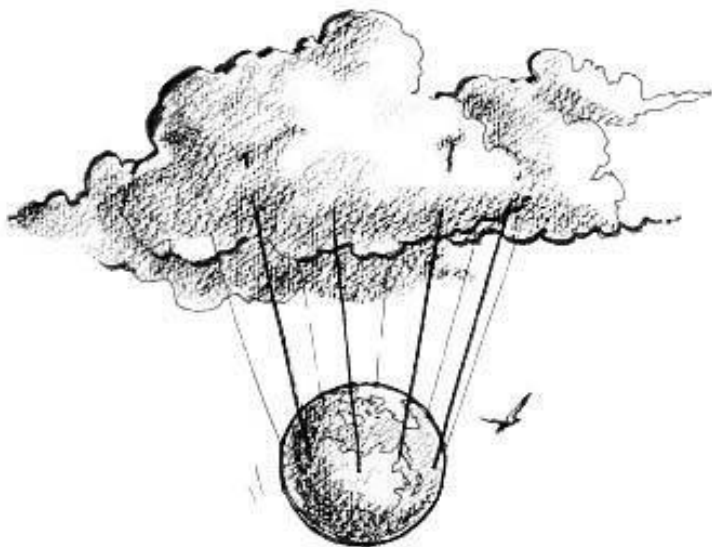
– Это почему же? – Барокко снова сложил руки на груди, недоверчиво глядя то на Троппа, то на Румяну, которая, затаив дыхание, слушала этот странный диалог.

– Вы в них не верите по-настоящему, но и боитесь – по-настоящему. Значит, не сможете ими управлять. Вы – как актёр, который только выучил слова, но не погрузился в переживаемый мир. Чудо не случится...

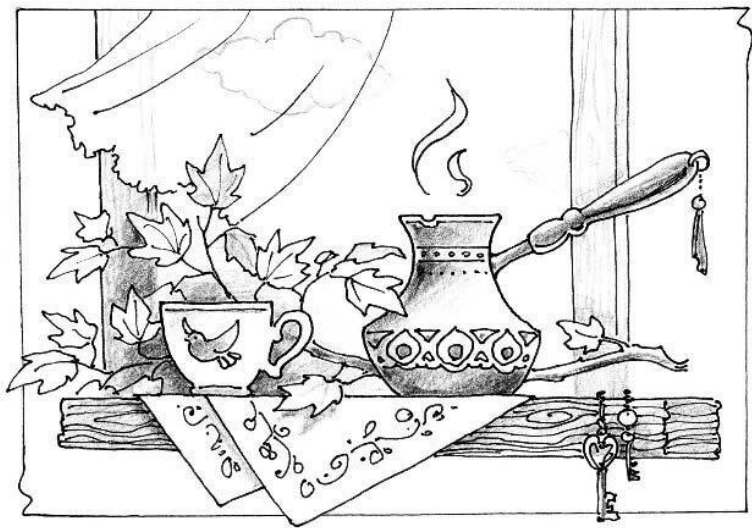
– Меня не надо учить этому ремеслу, я много лет ставлю спектакли.

– Спектакли, в которых ничего, кроме Ильи Петровича Барокко, нет. – Тропп вздохнул и обратился к Румяне: – Милая девушка, вы нашли, что вам было нужно?

– Д-да, спасибо. – В смущении Румяна поспешно встала, уронив две книги, судорожно подняла их, пробормотав «извините» и «до свидания», и пулей вылетела из кабинета.

Глава вторая. Помощница меняет профессию

1

Когда Румяна вернулась на работу, Ампиоров смотрел в окно, заложив руки за спину.

– Теперь понятно, почему так болит голова! Глянь, какой

ветер поднялся! А ведь только что было солнечно и тепло, – сказал он не оборачиваясь.

Желтеющие кроны деревьев заметно колыхались – ветер стал южным и усилился. Пыль с дорожек и тротуаров поднималась чуть ли не до второго этажа, где и находился кабинет, а огромный тополь протягивал длиннющие ветви-руки к окну, будто хотел попасть внутрь.

– А я люблю облака, – встав рядом с Ампириным, произнесла Румяна. – Они такие... В них хочется укрыться.

Буря разошлась не на шутку. Ампиринов тревожно стучал пальцами по подоконнику. Порыв ветра, удар – стекло не выдержало, раскололось, большие куски его полетели на пол, а на стоявший у окна стол Румяны упала ветка тополя.

Непогода бушевала, капли залетали в кабинет. На улице было пустынно, только один человек стоял недалеко от здания. Костюм в клетку, шляпа-котелок, портфель и клетчатый зонтик. Любопытство Румяны разыгралось оттого, что смотрел клетчатый господин прямо на неё. Она первый раз видела незнакомца, а он, встретившись с ней взглядом, в приветственном жесте приподнял свой котелок, будто был с ней знаком. Только она подняла руку, чтобы помахать в ответ, как Ампиринов довольно грубо загородил её от клетчатого и очень сердито попросил помощницу выйти из кабинета.

– Пойди позови завхоза, надо чем-то закрыть окно.

За два года Ампиринов так и не запомнил ни имени-отчества, ни фамилии главного по хозяйственной части отдела

образования. Сказать по правде, он и не собирался называть сотрудников по именам. Каждый раз давая понять собеседнику, что не помнит его имя, Ампиоров вынуждал того самому себя называть. А это выглядело довольно унижительно – то есть именно так, как и хотелось начальнику методического кабинета. Вероятно, поэтому почти все сотрудники, как и упомянутый завхоз, сторонились Ампиорова, стараясь лишней раз с ним не пересекаться. За исключением, пожалуй, навязчивой, непробиваемой Инги, имя которой занозой засело в голове Венира Виленовича.

Неизменная дистанция между ним и окружающими людьми не мешала Ампиорову, – даже наоборот! – поддерживала заботливо создаваемый им образ высокого статуса и таинственности. Вот и теперь, то ли из чувства собственной важности, то ли от рассеянности, он лишь махнул рукой, указав на повреждения.

Расторопный завхоз всё понял без лишних слов и заколотил окно фанерой – пока не сделают новое стекло. Ампиоров всё это время сидел за столом и задумчиво крутил в пальцах ручку. Когда они с Румяной остались одни, начальник обратился к помощнице:

– Возвращаясь к твоей безумной идее... Думаю, можно попробовать отправить тебя в школу, в качестве «учителя-на-замену». Временно! Пока они не найдут нормального преподавателя.

Румяна захлопала в ладоши и даже готова была обнять

Ампирова, но тот предусмотрительно выставил руки и заматал головой:

– Без рук, только без рук!

– С пасибо, огромное пасибо, Винир Виленович! – воскликнула Румяна, прижимая мокрую веточку тополя к груди.

Не расставаясь с веточкой, Румяна спустилась по мраморной лестнице здания районной администрации и вышла на улицу. Белый тополь едва покачивался, листья серебрились в лучах прорезавшего тучи солнца. Облака стремительно разлетались, обнажая синеву. Трудно было поверить, что несколько минут назад бушевал ураган.

2

Румяна направилась к дому. Идти было не близко, но она решила не срезать по радиальным улицам, а пройти по Большому Кедровому кольцу через парк Ботаников, который был задуман как место непрерывного цветения. Румяна провела рукой по чёрным бусинкам бузины, впереди залел нарядный и притягивающий взгляд бересклет, посаженный по обеим сторонам дорожки. В конце – рябиновая аллея, словно пышные ворота. Заросли калины с начинающими желтеть листьями и алыми ягодками.

А вот и её любимое место – круглая лужайка в центре парка, скамейки, по бокам которых кое-как растёт вереск, –

сколько ни пытались специалисты парка озеленять им лужайки, приживался он плохо и выглядел хило. Но Румяна всё равно любила это место и, как всегда, присела на скамейку. У неё была всего пара минут, пока птицы не начнут слетаться со всей округи... Она откинулась на деревянную спинку и посмотрела вверх. В парке неба много – яркого, аквамаринового, с аккуратными облачками и с остатками серых туч. В мягких лучах совсем по-летнему летали пылинки, паутинки и мошки.

Учительница, надо же!.. Уж точно лучше, чем переключать бумажки! «Живые люди гораздо интереснее мёртвых деревьев, – размышляла Румяна. Потом подумала ещё и уточнила: – Хотя есть такие мёртвые деревья, которые интереснее многих живых людей. Это книги». Некоторые красивые мысли становятся ещё красивее, когда их скажешь наоборот.

Новая работа сулила перемены, от предвкушения которых внутри становилось щекотно. Не дожидаясь, пока налетят птицы, Румяна пошла бродить по парку, вспоминая свой первый день в Кедрове – первый день последнего летнего месяца. Казалось бы, не так уж и давно это случилось, но по её ощущениям прошла целая жизнь.

Ампиров тогда сказал: «Я покажу тебе дом, где ты будешь жить». Довольно долго они шли вдоль высоких однообразных зданий, по пыльным от дорожного ремонта тротуарам. Навстречу им попадались не улыбчивые, смурные люди. Де-

ревья и то выглядели приветливее. Это потом уже Румяна узнала, что такой вид обычно у тех, кто спешит с утра на работу. Спустя несколько кварталов начальник и его помощница стояли перед двухэтажным домиком, частично затенённым густыми кронами вязов. Справа от дома, серьёзного и даже сердитого, сложенного из толстенных брёвен, притулилась пристройка, как внучка на руках у бабушки. На двух небольших окошках резные наличники, столбики крыльца витые. Утро, но здесь полумрак. Из неба над тенистой аллеей будто украли солнце. В этом месте Ампиоров покинул свою спутницу, пробурчав что-то невразумительное о том, что он не горит желанием встречаться с соседкой Румяны.

Дом дремлет – у него сонное, размеренное дыхание. Дремлет, но не пустует: в глубине сада со стороны пристройки сушится бельё. Сейчас Румяна встретится с той, с которой будет жить под одной крышей в этом пыльном городке одинаковых домов.

Когда Румяна приблизилась к двери, она внезапно распахнулась.

– Фаруза?! – Румяна не удержала невольного возгласа и тут же сама себе удивилась: откуда она знает имя женщины, которую видит впервые?

Ростом она была Румяне по плечо, быстрые движения, внимательные тёмные глаза-агаты, поблёскивающие из-под густых бровей, крючковатый нос, чёрные с проседью волосы, выбивающиеся из намотанного горкой полосатого платка.

Морщинки, лучиками бегающие на подвижном лице, будто клинопись древнего языка, хранящего некую тайну.

– Ах ты ж батюшки! – Женщина в переднике всплеснула полотенцем. – Он говорил, ты ничего не помнишь, а ты наоборот... Откуда знаешь моё имя?

Румяна не знала, что и отвечать.

– Поди, Винил Валерьяныч сказал, – догадалась Фаруза. – Ну, заходи, заходи. У меня как раз завтрак готов. Я пойду бельё сниму, а ты заходи сразу в кухню. А что, и вещей нет? Совсем? – Фаруза покачала головой.

Гостья зашла в крохотную прихожую. Из кухни пахло жареным хлебом, и Румяна пошла на запах. На столе стояла тарелка с горочкой зажаристых гренок. Румяна не удержалась и отломил кусочек.

– Ну кто же ест всухомятку! Живот заболит. Сейчас сварю тебе мой фирменный напиток, – засуетилась Фаруза. – Так, так, где ты, моя Шахерезада?

С этими словами она принялась греметь посудой в поисках чего-то, но под руку постоянно попадался блестящий металлический чайник со свистком. Наконец она выудила изящную потёртую джезву и радостно произнесла «во-о-от!». «Так вот кто такая Шахерезада!» – подумала Румяна.

Между тем Фаруза достала металлическую голубую банку, и тотчас к запаху гренок примешался аромат ванили, да такой тягучий, что Румяна даже повела носом, будто стремилась вынюхать его целиком. Фаруза бросила в джезву пару

ложек кофе, щепотку сахара и, пока Шахерезада готовилась шептать свою сказку, помешивала горячие сливки в сотейнике. Дирижировала Фаруза недолго, и вот вся эта алхимия выплавилась в ванильно-кофейное произведение искусства с пышной пеной сверху.

– М-м, – только и смогла произнести Румяна, попробовав изысканный напиток.

Фаруза с довольным видом наблюдала за гостьей и подкладывала ей гренки.

Румяна пила кофе и оглядывалась вокруг. Кухня была маленькая, с одним окошком; её хотелось назвать «лесной» – то ли из-за оттенков стен, то ли из-за запаха трав, перемешанного теперь с ароматами ванили, кофе и гренков. «Лесная» кухня поражала аккуратностью, царившей всюду. Диванчик в углу был ровно застелен пледом ржавого цвета; круглый стол покрывала гладкая скатерть с травяным рисунком. Деревянная мебель смотрелась так естественно, будто вырастала из пола, из стен. На крючочках под кухонными шкафами висели чашки и разномастная утварь. Хромированная плита, немного пузатая, с красными глазами-ручками, соперничала в блеске с гордо сияющим чайником. Румяна не рискнула помять идеально застеленный диван и присела на стул – удобный, мягкий, с широкой округлой спинкой, как у кресла.

Допив последний глоток, она спросила:

– Простите, Винир Виленович сказал, что здесь есть

книжница?

– Библиотека, что ли? Да, в доме. – Фаруза махнула рукой. – А что, любишь читать?

– Очень.

– Тебе повезло. Этого добра тут навалом. Ну, рассказывай, как тебя зовут.

Фаруза уселась напротив. Она медленно цедила свой кофе. Её глаза светились теплом и сразу же, с первых мгновений возникшей симпатией.

– Румяна.

– Какое красивое имя! Чего тогда бледненькая такая? Ничего, откормим! Как рада, что ты будешь тут жить! А то я всё одна и одна. Готовить некому, словом перекинуться не с кем.

– Но ведь книги...

– А что книги? – махнула рукой Фаруза. – Покормить-то их не могу. Только пыль от них. Вот Анатолий Михайлович, хозяин мой, – тот мог часами просиживать за своим столом, всё читал что-то, выписывал...

– Где он сейчас?

Лицо Фарузы, без того смуглое, потемнело; миндалевидные чёрные глаза ещё пуще сузились, вид у неё стал довольно грозный.

– Забрали его и посадили! Ни за что!

– Посадили? Он... не может встать? – осторожно поинтересовалась Румяна.

– В тюрьму, говорю, посадили! – Фаруза покачала голо-

вой. Заметив непонимание Румяны, добавила: – В темницу.
– А вы следите за домом, пока его нет? – спросила Румяна.
– Пока его нет, – отозвалась домработница, задумавшись о чём-то. Но вот она подняла глаза на Румяну, и лицо её снова просветлело: – Ты мне лучше скажи, откуда у тебя такие красивые ключики?

Фаруза с любопытством изучала Румянины медные серёжки в форме ключей и ключик-медальон на кожаном шнурке, который высунулся из выреза рубашки.

– Они всегда со мной были, – отвечала Румяна, дотронувшись до кулона.

А Фаруза беззастенчиво разглядывала её, покачивая головой и улыбаясь каким-то своим мыслям.

– Надо что-то делать с твоими волосами, это никуда не годится! Они же болтаются в воздухе! – всплеснула руками домработница и наклонилась к гостье, чтобы пригладить волосы, которые действительно будто плавали в невесомости, распушившись во все стороны и подрагивая. – Их надо поставить на место!

Со словами «позволь, я помогу!» Фаруза разделила волосы на две части и, тихонько ругаясь на непосlušную рыжую гриву Румяны, заплела две косы.

– Вот так гораздо приличнее, – с сомнением в голосе заметила женщина, опуская вниз косы, которые непосlušно закручивались кверху.

Худо-бедно разобравшись с причёской, Фаруза обратила

внимание на костюм гостыи – распашной тёмно-красный сарафан с медными круглыми пуговицами. Из-под высокого выреза выглядывал ворот льняной рубахи. Ткань украшала тонкая вышивка.

– Сама вышивала, – то ли спрашивала, то ли утверждала Фаруза.

Румяна растерянно улыбнулась. Домработница погладила гостью по плечу и заявила:

– Не помнишь. Ну и ладно. Зато я люблю шить. Сделаем тебе наряд, подходящий для этого местечка! Научный городок не место для деревенских сарафанов. Не понимают они ничего в настоящей красоте...

Ампиров, когда всё-таки объявился, заявил, что замена требуется и эксцентричным башмакам с загнутыми носами.

– Какой у тебя размер?

– Восемь вершков, – вдруг выдала Румяна и, сама себе удивившись, уставилась на ступни, будто это они ей подсказали свой размер.

– Хм... Тридцать восьмой, значит.

Он принёс Румяне новую обувь, а старую велел отнести на помойку. Фаруза шепнула: «Мы их сохраним», – чем сильно утешила Румяну.

Несмотря на некоторую потерянность, Румяна охотно помогала домработнице по хозяйству, ходила на работу в отдел образования, исправно принимала лекарство, которое дал ей Ампиров. «Для памяти!» – говорил он и каждый раз интере-

совался, не пропустила ли она приём, семь капель из коричневого пузырька. Румяна чувствовала необходимость быть ему благодарной: он заботился о ней. Когда загружал работой по самые уши, то говорил: «Работай больше, и дурные мысли в голову не придут!»

Только вот Фаруза, глядя на это, качала головой и говорила совсем другие слова: «От работы кони дохнут!» – «Если бы твои кони, – говорила тогда Румяна, – прочитали хотя бы один документ Ампилова, тут же бросили бы его себе под копыта и вприпрыжку побежали к своей работе». Слова в бумагах методического кабинета отдела образования сыпались как горох: как ни готовь, получится каша.

Утешение от бессмысленности Румяне дарило небо. Она подолгу смотрела на проплывающие облака, и они разгоняли тоску. Да и Кедров уже не казался ей пыльным и однообразным, как в первый день. Даже наоборот: красота городка открывалась постепенно. С каждой прогулкой у Румяны появлялось всё больше любимых мест – как на пергаменте из-под скучного текста явственнее проступают более ранние любопытные письма.

...Тот август облетел. В Кедрове расположилась осень, желтя лист за листом. Пока Румяна гуляла по парку, пушистые облака выгнали с небесного простора остатки серых туч, забытые бурей. Небесная синь звенела от пролетающих стрижей, задержавшихся благодаря тёплой погоде. Румяна впервые с любопытством заглядывала в будущее в надежде

освободиться от оков методического кабинета ко времени, когда сентябрь выпутается из летних объятий и вступит в свои осенние права.

3

Дорога к дому академика-геолога шла через парк Победы. Полным-полно гуляющих школьников – рядом две школы Кедрова, лучшие в городе. Пройдя открытый солнцу стадион, Румяна свернула в тенистую Вязовую аллею, где в глубине раскидистых деревьев прятались коттеджи академиков, а за ними начинался Навьин лес – остатки окружавшего городок могучего кедровника, у которого основатели отвоевали часть территории для постройки этого оплота науки.

Из леса показался один знакомый – странный кедровский персонаж. Как-то раз она видела его в парке Ботаников, он обнимался с деревом. Ссутуленный мужчина со спутанными волосами, седой клочковатой бородой шёл навстречу Румяне, что-то бормоча и жестикулируя. В лесу он спал, что ли? Прямо в своём мятом плаще. В волосах запутались листики, из кармана торчали ветки. Ботинки держались на честном слове – в них было больше дыр, чем материи. Заметив Румяну, человек приблизился. И теперь эти двое внимательно разглядывали друг друга.

Человек из леса выглядел потрёпанным, но не опустившимся. Бомж по непонятной, но доброй воле. От него пахло

осенним лесом – вывалившиеся из карманов листья выглядели так же естественно, как если бы они падали с дерева. А его похожие на войлок волосы, чудилось Румяне, вполне сошли бы за удобное гнездо с подогревом, например для галки. Глаз под клочками бровей было почти не видно, да он и не торопился их поднимать – рассматривал Румяну из-под полуопущенных набрякших век. Вот он остановился на её серёжках и кулоне...

– Ключи от красоты, – произнёс наконец лесной человек.

Румяна невольно прикоснулась к кулону-ключику. Подумав, решила представиться:

– Меня зовут Румяна.

– Ключи не помогут, если мозгов нет, – продолжал человек одному ему понятную речь.

Румяна надеялась, что он не её имеет в виду. Впрочем, других собеседников рядом не наблюдалось.

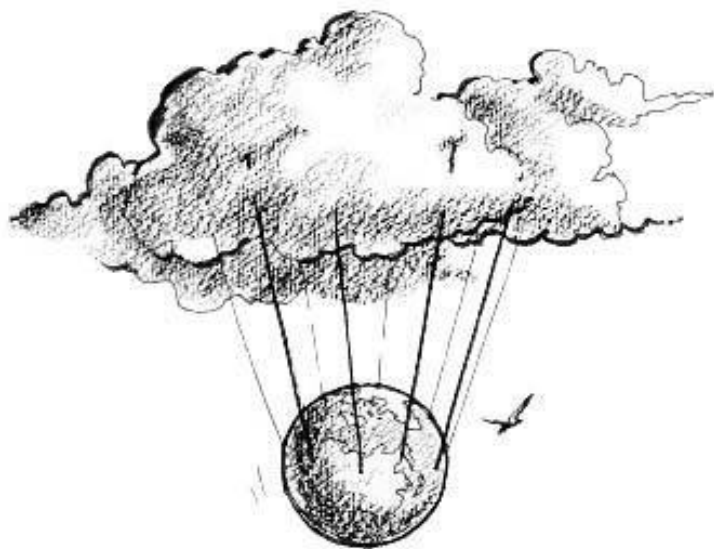
Будто в ответ на её мысли, человек сказал:

– Красота есть... а мозги? – И он вопросительно уставился на Румяну едва различимыми из-под тяжёлых век линиями-лазоревыми глазами.

На всякий случай Румяна кивнула.

– Что входит в мозг, навсегда там. С этими словами он повернулся и побрёл обратно в лес. Вдруг остановился и обернулся. По-птичьи наклонил лохматую голову набок и быстро, но отчётливо сказал: – Девять градусов тридцать две минуты Льва! – Наклонился, будто всматриваясь в Румяну, и

рявкнул: – Тропос! Тихий посёлок, тридцать три!

Глава третья. Жаба в обмороке и другие звери

1

За посещением уроков в лицее следили строго – на каждый прогул ученик писал объяснительную.

Правила не знали исключений... кроме одного: четвёрке избранных старшеклассников, членам команды Десятого ли-

цея по киберспорту, разрешалось свободное посещение. Настолько свободное, что некоторые учителя забыли ребят в лицо. Лицеисты называли четвёрку «любимчиками Барокко». Всем было известно, что они – глаза и уши директора, поэтому одни с ними предпочитали не связываться, а другие, наоборот, считали знакомство с «элитой» полезным.

Уроки уже начались, и во дворе Десятки было пусто. Только четверо маячили возле скамеек.

– Как твой глаз, Нитро? – спросил один из парней блондина с неестественно зелёными яркими глазами.

– Больше не слезится, – моргнув, отвечал тот. – Директор залутал новые линзы, специально для меня.

– Это он тебе купил?

– А ты как думаешь, Рэш? – вскинулся Нитро. – Моей маме с зарплатой водителя трамвая едва получается на обувь отложить, тут не до линз.

– Убого, – невпопад произнёс третий.

– Завянь, Сфер, – беззлобно сказал Нитро. – Ты перетрудишься, что ли, если ещё пару слов выучишь?

– Осуждаю, – выдал Сфер.

– Ничего, – продолжал Нитро, – сорвём кассу на чемпионате, рассчитаюсь с директором. А ты, Пётр, как думаешь деньги потратить?

У Петра, высокого худого брюнета с торчащими в разные стороны волосами, тоже был ник – Нэт, но все его звали по имени. Пётр был неразговорчив, ходил в наушниках, что за-

ведомо отсекало от него любителей потрепаться. Нитро поглядывал на Петра и уже не ждал, что тот ему ответит. Но Пётр вдруг произнёс:

– Что толку говорить о том, чего нет.

– Ты что, не мечтаешь никогда? – спросил Нитро.

– Нет.

– «Нет», – сказал Нэт, – хохотнул Рэш.

– Убого, – выдал Сфер.

– Не «убого», а смешно, чел! – смеялся Рэш. – Скажи: «смеш-но», ну, повторяй!

– Парни, смотрите, какая дикость к нам топают, – сказал Нитро, показывая на приближающуюся к лицу девушку с тёмно-рыжими косичками и в старомодном сарафане.

Румяна заметила старшеклассников издалека. Они были одинаково одеты – в чёрные узкие брюки и чёрные худи с капюшонами. «Наверное, здесь такая форма», – подумала она. Мрачновато. Она перевела взгляд на здание, которое, наоборот, поражало яркостью и смелым сочетанием контрастных цветов. Разноцветные ступени на лестнице тоже радовали глаз, и Румяна решила было направиться к ним, как услышала окрик:

– Эй!

Она невольно обернулась и увидела, как четвёрка подходит к ней. Блондин с кислотного цвета глазами, «двое из ларца» и длинный в наушниках и с зубочисткой в зубах.

– Куда собралась? Мы тебя не знаем, – вальяжно произнёс

кислотный.

– Я тебя тоже не знаю, – отвечала Румяна.

Четвёрка излучала опасность. Волосы Румяны, причёсанные и приручённые с утра Фарузой, начинали бунтовать и волноваться.

– Какая бойкая... малышка! – усмехнувшись, произнёс кислотный и обернулся к друзьям.

– Или фифа? – уточнил один из «телохранителей» и неприятно засмеялся.

– Убого, – сообщил другой, неприязненно оглядев Румяну.

Длинный перекинул зубочистку в другой угол рта.

Румяна хотела было что-то ответить, но тут послышался шорох – сначала в отдалении, потом стал нарастать, и скоро шум хлопающих крыльев занял пространство школьного двора. Это к ней спешили птицы. Как револьвер из кобуры, Румяна ловко выудила из сумочки булочку и теперь торопилась поскорее рассыпать крошки вокруг, пока птицы не сели к ней на плечи и на голову.

Парни отшатнулись и замахали руками.

– Чёрт, что с ними такое?! – закричал кислотный.

– Это ты их позвала? Ведьма, блин! – «Один из ларца» брезгливо оглядывал копошащихся пернатых, отпихивая их от себя носком ботинка.

– Нитро, – внезапно подал голос длинный.

Кислотный оглянулся, и длинный кивнул на одно из окон

лица. Парни все как один повернулись, куда он указывал. Румяна проследила взглядом и увидела в окне на втором этаже фигуру в тёмном, которая тут же исчезла.

– Притормозите, – бросил длинный и, развернувшись, пошёл к скамейкам.

Остальные двинулись за ним. Кислотный обернулся и показал двумя пальцами на свои глаза, потом направил их на Румяну: мол, «я слежу за тобой». Румяна в ответ показала ему «козу рогатую» – так пугают малышей – и, поднявшись на крыльцо, зашла в школу.

2

Попадая из школьного коридора в кабинет директора Ильи Петровича Барокко, посетитель терялся от неожиданного контраста. Тяжёлые бордовые портьеры, тёмный паркет, замковая люстра с восемью рожками, такие же бра на стене над столом. Будто не директорский кабинет, а портал в завораживающую мешанину стилей прошедших веков. Стеллажи на двух стенах справа поражали воображение – полки занимали сплошь чучела животных. Кого тут только не было! Румяна даже приоткрыла рот от удивления. Дикие зверушки и вполне домашнего вида коты, птицы – знакомые лесные и диковинные экзотические. На верхней полке восседал ворон, самый крупный экземпляр из птичьих; головой он едва не упирался в потолок. Кто занимал нижние

полки, рассмотреть не удавалось: угол, отданный зверинцу, был заставлен массивной мебелью. Вокруг низкого столика с перламутровой инкрустацией, занимая всё оставшееся пространство, толпились три вычурных кресла на кривых ножках и пара пуфов, покрытых шкурами. Слева от зверинца стоял огромных размеров письменный стол с зелёным сукном. На столе – лампа с витражным абажуром, органайзер для канцелярии и какие-то папки.

До полного сходства с кабинетом естествоиспытателя из какого-то старинного романа этому неживому уголку не хватало, пожалуй, камина. И на нём парочки склянок с чьи-нибудь заспиртованными мозгами. Впрочем, у Барокко были свои секреты, и хранились они не на виду.

Посетители по-разному толковали такое необычное убранство кабинета директора. Кто-то, вздрогнув от неожиданности, успокаивал себя мыслью, что он, по всей видимости, преподаёт биологию. Другие были уверены, что директор заядлый охотник, тем более что на стене над креслом висел необычного вида топорик – старинная секира. Румяна же, впервые оказавшись в кабинете Ильи Петровича, поняла для себя одну вещь: хозяина и животных объединяла существенная деталь. У всех были мёртвые глаза.

В остальном облик директора настойчиво внушал мысли о его привлекательности – слишком похож на типичного героя-искусителя из дамских романов. Атлетически сложенный брюнет, ростом и возрастом – выше среднего, одет изысканно и сообразно с обстановкой кабинета. Поверх шелковой кремовой сорочки – расшитый бисером жилет цвета крепкого кофе, отчаянно гармонировавший с шоколадными брюками. Пиджак висел на костюмной вешалке за столом возле стены. Из кармана жилета свисала золотая цепочка, а со лба – густая седая прядь.

Всё это великолепие директора Румяна смогла оценить, когда, приветствуя её, Барокко встал из-за необъятного стола и приблизился к госте.

– Так вот вы кто, Румяна Игоревна Нарекаци! Та самая «милая девушка», которая приносила документы нашему досточтимому профессору Троппу!

Он взял её правую ладонь обеими руками и слегка потряс в знак приветствия. Руки были неожиданно тёплыми и приятными, а жесты сочувствующими. Если, конечно, не смотреть в его глаза.

– Видимо, я должен попросить прощения за моих мальчиков. Похоже, они несколько перестарались. Вообще, они следят за дисциплиной, помогают мне. – Губы Барокко сложились в извиняющуюся улыбку. – Что они вам сделали?

– Они смотрели на меня и смеялись.

Румяна отвела взгляд от директора и разглядывала мёртвый зверинец на полках. На мордочках застыли разные гри-масы. Были ли они такими в жизни, или это изготовитель чучел придал им то выражение, какое ему вздумалось?

– Понимаю, вам было неприятно. – Барокко сверлил взглядом лицо учительницы, пытаясь найти в нём что-то важное для себя. – Но давайте посмотрим с другой стороны...

Румяна перевела взгляд на директора и перебила его:

– Почему же неприятно? Вот если бы они смотрели на меня и плакали – это было бы гораздо хуже!

– Какая вы... интересная... – Директор попытался пой-мать её взгляд.

Но смотреть долго в мёртвую пустоту глаз живого дирек-тора ей было неуютно. «Как чёрные дыры», – подумала Ру-мяна, которая накануне уснула за чтением книги об астроно-мических тайнах. Что там происходило в загадочных косми-ческих дырах, она узнать не успела, но, скорее всего, ничего светлого ждать из черноты не стоило. Вот и Барокко пыта-ется сбить её с толку этими ложно-ласковыми жестами. Она мягко выдернула ладонь из уютного рукопожатия и отошла к креслам.

Барокко молча наблюдал за гостьей. На самом деле он со-гласился на эту авантюру с назначением «учителя-на-замене-ну» только из-за заверений его протеже Ампирова в том, что девушка покладиста и на редкость послушна. Директор

очень ценил эти качества, а если к ним прилагались благодарность и признательность, – такие люди были для него самыми удобными и желанными подчинёнными. Но что-то в этой взлохмаченной учительнице смущало его. И он решил выяснить *что*. Барокко подался к столу и что-то вытащил из ящика, пошумев ключами. Румяна обернулась на звук.

– У меня тоже есть ключи, да. – Барокко усмехнулся и кивнул на Румянины серёжки и кулон. Она невольно дотронулась до подвески-ключика. – Какие секреты открывают ваши ключики?

– Если вам скажу, это будут уже не секреты, – ответила Румяна.

Барокко приподнял брови: Ампиоров ничего не перепутал, она точно – покладистая и послушная? Он недовольно сжал губы и, взяв что-то из ящика стола, подошёл к Румяне.

– Пожалуйста, присаживайтесь, Румяна Игоревна. – Директор указал на одно из средних кресел, а сам изволил занять самое большое. – Я пригласил вас, чтобы ближе познакомиться. Вы всё-таки моя новая сотрудница... – Барокко окинул её взглядом, от которого дамы обычно впадали в трепет и нервозность, принимались разглаживать юбки, поправлять причёски, прикусывать губы.

Румяна даже не смотрела на собеседника. Она смотрела на ворона: из всех чучел он казался ей наименее... мёртвым.

Барокко откинулся на спинку и продолжал более тихим голосом, не оставляя надежды привлечь её внимание:

– Ампиоров отзывался о вас как об очень... скажем, лояльном сотруднике.

– Винир Виленович был добр ко мне. – В исполнении Румяны эта дежурная фраза звучала на редкость искренне.

– Тогда почему вы решили сменить сферу деятельности? – С этим вопросом Барокко попал в точку, поскольку Румяна вздрогнула и наконец посмотрела на него.

– Это не из-за Винира Виленовича, – поспешно сказала Румяна. – Совсем не из-за него, – повторила она, тряхнув для убедительности головой.

– Тогда в чём причина? – Барокко раскрыл зажатую ладонь, в ней блеснула латунь. Предмет светло-жёлтого металла напоминал деталь – втулку или нечто подобное, какую-то коротенькую трубку. Присмотревшись, Румяна поняла, что это что-то вроде окуляра. Действительно, Барокко ловко водрузил прибор на левый глаз. Вещица оказалась моноклем.

– А зачем вам это, Илья Петрович?

– Это чтобы лучше видеть...

«Чтобы лучше видеть тебя, дитя моё», – вспомнила Румяна строчку из старой детской сказки, которую нашла в библиотеке академика.

Вставив монокль, Барокко прикрыл правый глаз и уставился на Румяну левым; через линзу тот казался ещё более чёрным и страшным. Он напряжённо всматривался в неё, даже схватился за подлокотники и немного подался вперёд. На его лице читался если не ужас, то крайняя степень неприят-

ного удивления.

Румяне стало не по себе. Чувствовалось напряжение, воздух будто стал густым и вязким, а от директора буквально исходили осязаемые волны раздражения. Румяна оглянулась на дверь. Неудобно, конечно, прерывать разговор, но сейчас ей больше всего хотелось сбежать из этого места. И как можно дальше от директора.

Барокко тем временем вынул монокль, поморгал и натянуто улыбнулся.

– Прошу прощения, Румяна Игоревна. Видимо, моя линза неисправна. А я очень дорожу ей. – С этими словами он засунул монокль в карман жилета и снова посмотрел на Румяну, теперь уже своим самым обычным взглядом. То есть таким, который был ей невыносим. – Напомните, на чём мы остановились?

Румяна молча приглаживала свои непослушные волосы. Ей не хотелось говорить. Тогда, может быть, он решит, что разговор окончен и она наконец сможет уйти?

Но Барокко продолжал:

– Я спросил вас, в чём причина смены профессии. Может быть, вы решили, что здесь вам будет лучше?

Румяна неуверенно кивнула.

– А с чего вы взяли, что подходите нам? Видите ли, место работы можно сменить, но человек-то не меняется. Вывеска, так сказать, может быть разной... Я расскажу вам историю... – Директор устроился поудобнее, закинул ногу на

ногу и, открыв обзор на свои элегантные молочные носки из тонкой шерсти, продолжил: – Один из многочисленных наших институтов занимается изучением особенностей воздуха Кедрова. Вы ведь знаете, что местный воздух называют целебным, уникальным, даже магическим? Учёные из этого института много лет ищут объяснения особой силе кедровского воздуха. У этой организации было название: Воздушно-объяснительная лаборатория Кедрова, коротко – ВОЛК. Ну и это породило множество шуток, которые очень не нравились учёным. Им говорили: «Сколько вас ни корми, а вы всё в лес смотрите», они обижались: «Это не мы в лес смотрим, а наш институт окнами на лес выходит». Ещё им говорили: «Есть волки и в нашем кóлке» – самая подходящая поговорка, не находите?

– Почему?

– Кедров Колок – полное название нашего городка. Вы не знали? Оно значит «кедровый остров посреди полей». Так вот, этих бедолаг-сотрудников всё донимали и донимали. «С вами скоро по-волчьи выть будем». Эту острóту придумали из-за гула насосов, собирающих воздух. Надоели эти шутки нашим учёным! – Барокко снисходительно усмехнулся. – А вы любите юмор?

– Шутка – это степень доверия. Не с каждым можно пошутить. – Сказав это, Румяна неожиданно подумала, что с её благодетелем Ампириным шутить невозможно. Наверное, он, как те учёные, просто не понимает юмор.

– Ваша наивность до первого предательства, Румяна Иго-
ревна. Доверия не существует. А юмор – это лишь острота
ума. Довольно странно, когда учёные её лишены.

– И чем кончилась та история? – спросила Румяна, удив-
лённая, что у неё с директором складывается беседа, похо-
жая на нормальный диалог.

– Они упростили руководство сменить им название, чтобы
не быть ВОЛКом. Теперь они называются Кéдровское объ-
единение освидетельствования воздуха и деревьев.

– КООВИД?

– Да. Теперь никаких негативных ассоциаций.

– Значит, они добились того, к чему стремились?

– Добились. Но жизнь, к счастью, остроумнее, чем наши
учёные. Хуже неисполненных желаний – только исполнен-
ные желания. Так что подумайте ещё раз, прежде чем переи-
ти к нам работать.

Барокко хотел, чтобы сказанное им выглядело как угроза,
поскольку это и была угроза, но Румяна спокойно отвечала:

– Я подумала. Надеюсь, вы меня примете.

Такая Румяна и вправду была похожа на послушную и по-
кладистую! Барокко воодушевился.

– Только, умоляю вас, смените наряд. Не надо приходить
в мой лицей в этом старомодном костюме цвета жабы в об-
мороке.

– До свидания, – сказала Румяна и вышла. Ни обид, ни
оправданий. Просто ушла – и всё.

Но по-настоящему удивительным было другое. В монокль, вставленный в левый глаз, Барокко эту новую учительницу попросту не видел. То есть совсем. Второй раз за всё время монокль подвёл его! И в этом таилась загадка, которую Барокко обязан был разгадать.

3

– Жабa в обмороке? – переспросила Фаруза, ревниво оглядывая собственноручно пошитый сарафан. – Что он имел в виду?

Румяна пожала плечами.

– Фаруза, куда снова запропастился Иван Чаёвич?

«Иваном Чаевичем» Фаруза, снабдившая предметы хозяйства именами, называла чайник. Поначалу чайник носил сказочное имя – Иван-царевич, но это было давно. Ещё до того, как в гости к академику пришла семья с маленьким сыном. Узнав, что у чайника есть имя, мальчик так обрадовался, что весь вечер повторял его, но «царевич» получался только как «чаевич». Так приклеилось к чайнику новое имя. Правда, с тех самых пор он и стал постоянно теряться.

– Ой, Румянушка, снова где-то прячется. Я ж говорила тебе, чайник с характером...

– Да, ты говорила, что он обижается.

– А то! – воскликнула Фаруза, продолжая с разных сторон разглядывать сарафан и бормоча себе под нос: – Тоже мне,

«жаба»!.. Да сам он – жаба, этот вертихвост Барокко!

– А ты не думала перестать чайник называть Чаевичем?

– Ещё чего! – резко сказала Фаруза. – Ещё чайники мне не указывали, как их называть! Да ты не волнуйся, как начну варить раф, он тут же и объявится. Ревнует!

– Раф? – переспросила Румяна.

– А-а, я тебе не говорила? Так мой напиток кофейный называется.

– Какое странное название...

– Ещё какое странное! – подмигнула Фаруза и тут же приступила к приготовлению любимого напитка.

И не успела подняться пенка, как Румяна крикнула из прихожей:

– Он здесь! На комодке стоит. Наверное, это я забыла... –

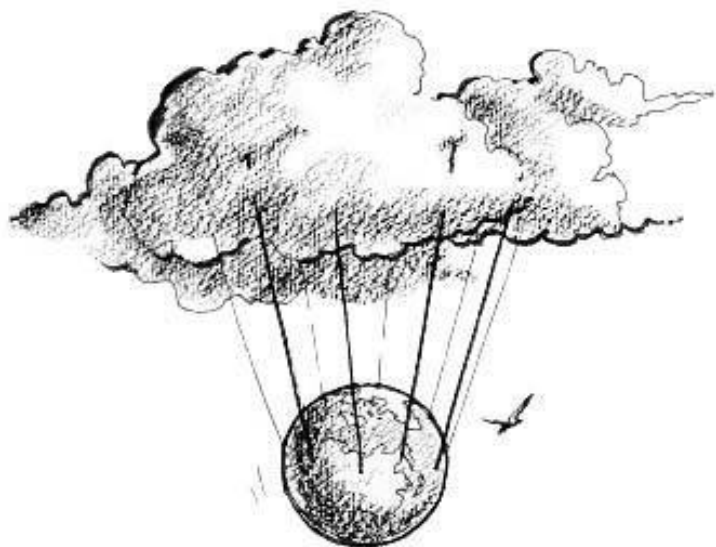
В растерянности она зашла на кухню, показывая пропажу.

– Ну да, ну да... – покачала головой Фаруза. – Ты мне лучше скажи, почему жаба-то? Вот что ему не так?

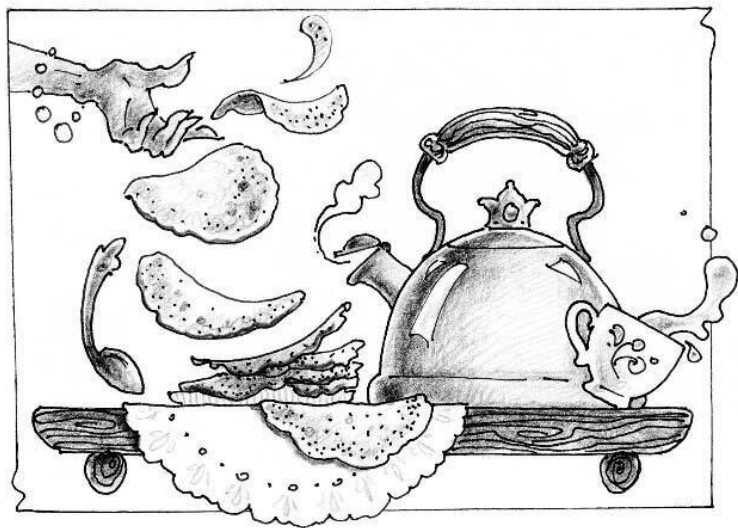
– Фаруза, я не думаю, что мне стоит менять платье только потому... – начала Румяна.

Но Фаруза решительно перебила её:

– Я не допущу, чтобы какие-то выскочки дерзили тебе из-за сарафана. Не бывать!

Глава четвёртая. Мусор на / в голове

1

Румяна хорошо подготовилась к урокам географии в седьмом «Б», прочитала книгу о сферах Земли и даже осилила учебник. Фаруза тем временем успела сшить Румяне новый

сарафан. Юбка стала пышнее, вырез – глубже, а зелёный оттенок – ярче. Видавшая виды красная сумочка-носок стала выглядеть более уныло на фоне обновлённого наряда. Как Фаруза её ни уговаривала, Румяна наотрез отказалась расставаться со своим вязаным мешочком или, правильнее сказать – чулочком, в который каждое утро складывала куски хлеба или булочки. Когда в начале своего первого дня в новой должности Румяна шагала в лицей, из ритмично покачивающейся сумочки сыпались крошки, её это не смущало. Она думала только о предстоящей новой жизни в новом качестве. Она жаждала поделиться знаниями о биосфере Земли с теми, кому, по-видимому, эти знания были до лампочки – если довериться мнению Ампинова о школьниках.

Звонок только что прозвенел, опаздывающие ученики забегали в классы. Румяна спускалась с третьего этажа на второй и увидела выглянувшую из-за двери класса голову, которая что-то высматривала на лестнице, ведущей вниз. За метив незнакомую учительницу, голова тут же спряталась. Именно за этой дверью Румяне предстояло вести свой первый урок. Она шагнула внутрь, и в тот же миг на неё упало ведро – лёгкое, пластиковое, но из него высыпались бумажки, огрызки, обёртки...

Весь класс ахнул, кое-где слышались еле сдерживаемые смешки. Наконец смех грянул громом по всей классной комнате. Мусор, внезапно опрокинувшийся на незадачливую голову учительницы, вёл себя странно: он не скатывался с во-

лос, а подпрыгивал на них, как на батуте. Будто огрызкам и бумажкам нравился такой аттракцион. Смех сменился возгласами удивления, на учительницу показывали пальцем и переговаривались.

Румяна подхватила мусор, которым, казалось, жонглировали её косички, и меткими бросками отправила его обратно в ведро. Достала из поясной сумочки платочек с вышивкой и оглядела класс. Лица смотрели испуганно-заинтересованно, как умеют смотреть только напакостившие ученики. Выражения лиц вконец развеселили Румяну.

Да, здесь было гораздо увлекательнее, чем в скучном кабинете Ампилова. Кажется, ей бросили вызов – кто кого, и она этот вызов приняла. От этого внутри её зазвенел какой-то неведомый пружинистый стерженёк. Прежде эта пружинка могла дотянуться лишь до её косичек, а теперь заставляет подпрыгивать в ней новое чувство, до сих пор дремавшее где-то глубоко внутри.

– Убирать будешь ты. – Вместо приветствия Румяна ткнула платочком в сторону мальчишки в очках с первой парты.

– Почему я? – возмутился парень.

– Потому что ты громче всех смеялся. Разве над настоящими военными хитростями смеются?

– Но это было не для ва-ас! – недовольно протянула красивая девочка с задней парты.

«Просто принцесса из книжки!» – подумала Румяна. Девочка будто бы сошла с картинки из сказки про свинопаса

– локоны на висках и небесные глаза. Суший ангел. Перед «принцессой» лежал толстый скетчбук и гора маркеров.

– А для кого?

– Для меня, – за спиной Румяны раздался раздражённый голос.

Слегка толкнув учительницу, маленькая растрёпанная девочка с синими волосами ворвалась в класс, подхватила свой рюкзак с парты, такой же взъерошенный и выдавший виды, как и его хозяйка, и ринулась было к выходу, но Румяна придержала её за плечо. Да это же та самая, которая плакала на Площади!

Девчонка обернулась и злобно сказала учительнице:

– Не трогайте меня.

– Не трогайте её, а то укусит! – бросила принцесса. Весь класс дружно засмеялся.

– Конечно, укусит! Смотрите, чтобы бешенством не заразиться, – выкрикнул высокий брюнет, который в этот момент поднялся из-за парты, обращая на себя всеобщее внимание, но сам более других поглядывая на принцессу. Та сидела с довольной улыбкой на лице, которая словно говорила: всё идёт так, как запланировано. Ну, или почти...

Класс бурлил, со всех сторон сыпались разные шутки про бешенство. С каждым взрывом хохота синеволосая девочка всё ниже опускала голову, и была готова в любой момент сорваться с места.

Румяна убрала руку с её плеча и попросила, наклонив-

шись:

– Покажи мне, где туалет.

Та коротко кивнула.

– Класс! – громко обратилась Румяна к начинавшим разбредаться ученикам. На секунду все затихли, так что Румяна даже растерялась: – Э-э... Я пойду, а вы тут... подождите меня пока.

Румяна с девочкой вышли и за дверью услышали взрыв хохота. «Если им весело – это хорошо или нет?» – думала Румяна, сворачивая к туалету. Хотя пока всё было крайне интересно, она не была уверена, что уроки должны проходить именно так.

Туалет находился в конце коридора. Доведя учительницу, девочка повернулась было, чтобы уйти, но Румяна спросила:

– Как тебя зовут?

– Ева.

– А меня Румяна Игоревна. Есть в туалете пауки?

Ева удивлённо посмотрела на учительницу и замотала головой.

– Хорошо, – облегчённо вздохнула Румяна, – а то я боюсь пауков.

– Чего их бояться? – пожала плечами Ева. – Они не будут ведро на голову бросать.

– А у тебя боевой настрой. Помогги, а? – Румяна указала в зеркало на стружку от карандаша, которую ей неудобно было достать.

Ева аккуратно вытащила из волос учительницы мусор и с удивлением смотрела на ее косички, которые сами собой закручивались вверх. «Как у Пеппи Длинный чулок», – подумала Ева, вспоминая иллюстрации в любимой книге. Румяна пару раз тряхнула головой, заставив косички плавно качаться, как в замедленной съёмке, и спросила:

– А зачем твои одноклассники устроили всё это? У вас войн а?

– Это у них войн а. София рвёт мои рисунки. Но мне параллельно.

– А тот мальчик с тёмными волосами?

– Олег Елагин. Тоже параллельно. – Но покрасневшие щёки Евы выражали несогласие с её словами.

– Ясно. Значит, вы не пересекаетесь.

– Если бы! Ко мне лезут, я же новенькая.

– Я тоже, – улыбнулась Румяна.

– Ну, я пошла.

– Так не пойдёт. У нас урок. Пойдём вместе.

– Только не вместе. Я после вас тогда зайду.

Шум в её классе хорошо был слышен и в коридоре. Зашла Румяна осторожно, взглянув вверх, – ведра на двери больше не было, мусор был сметён, ученики сидели стайками на нескольких партах. Когда учительница вошла, все обернулись, но не сдвинулись с места. Некоторые посмеивались.

Что делать дальше с детьми, Румяна понятия не имела. Они, кажется, ведут себя как-то неправильно. Может быть,

это имел в виду Ампилов, когда говорил, что Румяне будет трудно в школе? Может, на это намекала Фаруза, качая головой: «Куда тебе в школу, малахольная»? Тут же ей захотелось доказать им обоим обратное: она обязательно справится.

– Так. У нас урок географии... Я Румяна Игоревна. Садитесь за парты. – Подумав, Румяна добавила: – Пожалуйста.

– Сразу бы сказали, что у нас урок. – Голос с издёвкой принадлежал Софии. – То заставляете уборкой заниматься, то уходите... Детский труд, между прочим, не приветствуется.

Раздались возгласы поддержки.

– Мусор на голове тоже вне закона. Жаль, что мусор в головах у некоторых не так очевиден, – отвечала Румяна.

– Что-о? – Лицо Софии вытянулось. – Это был наезд, да?

– Нет. А вот это наезд. – Румяна подошла вплотную к Софии, так что та даже отшатнулась, и спокойно произнесла, с интересом разглядывая ученицу: – Я попросила тебя сесть за парту. И даже сказала «пожалуйста». Какое из этих слов ты не уловила?

– Вы нарушаете мои личные границы, – протянула София, правда, отходя к своему месту.

Весь урок принцесса неприязненно пялилась на учительницу, о чём-то перешёптываясь с одноклассницами.

...К концу первого урока Румяна еле выстояла под шквальным огнём эмоций семиклассников. Со звонком она в бессилии опустила на стул, чувствуя себя ковриком из

прихожей, который Фаруза выбивала во дворе. Дети сбили с Румяны пыль методического кабинета, и она пока не знала, стоит ли ей радоваться, или следует убираться отсюда подальше. Если в начале урока ей казалось, что дети затронули в ней живые пружинки, то теперь она не сомневалась – внутри не пружинки, а динамит, к которому эти буйные поднесли спичку; ещё немного – и рванёт. Перемены, о которых грезила Румяна, гуляя по парку, оказались взрывоопасными. Уничтожит ли взрыв скорлупу, скрывающую память, или разнесёт на атомы саму Румяну, было неясно. Оставалось проверить это опытным путём.

2

Возвращаясь из школы, Румяна увидела на Вязовой аллее синеголовую фигурку со знакомо растрёпанным рюкзаком – молния наполовину расстёгнута, ручка оторвана, а тетради того и гляди выскользнут прямо на асфальт. Оказывается, Ева живёт с ней по соседству! Девочка открыла калитку в заборе-штaketнике и пошла по заросшей аллее вглубь участка. Как и все другие, её коттедж тоже скрывался за густо посаженными вязами.

Фаруза жарила блинчики.

– Умница, что успела, – горяченькие ещё. Чайник поставь.

Румяна разулась и отправилась искать Ивана Чаевича, который снова куда-то пропал.

– Фаруза, а кто живёт в соседнем доме? – Румяна вымыла руки и оглядывала ванную: чайник мог оказаться где угодно.

– Дочь академика Звеницкого с семьёй. Сам-то учёный давно не встаёт, они ухаживают за ним. В коттедже живёт как академик. Пока он жив, его дочка с семьёй на коне. Или как сыр в масле, – заключила она, размазывая растопленное масло с ложки по блину, верхнему на горке. – Ну, Румянушка, где чай? Скоро блины остынут!

– А давай-ка лучше кофе сварим, – громко сказала Румяна, и её хитрость удалась: поворачивая из коридора на кухню, она чуть не споткнулась о чайник. – Сразу бы так! – проворчала она, прижимая к себе непослушную посудину.

– ...Там у них ещё девочка, – продолжала Фаруза, расставляя чашки. – Синеволосая, хотя на самом деле такая... русявенькая. Не дают ребёнку нормально жить.

– А что значит – нормально жить? – Чайник наконец-то занял место на плите, и Румяна села, положив руки на стол и подперев кулаком подбородок.

– Любить...

– Еву не любят?

– О, откуда знаешь, что Ева?

– Она в моём классе, и у неё большие проблемы.

– Неудивительно даже! – Фаруза шмякнула Румяне на тарелку ворох блинчиков. – По мне, так они вообще никого не любят. Кроме себя. Ребёнок у них вроде... как это говорят? Проект. Неудавшийся причём.

– Глупости какие.

– Хотят, чтобы она была как надо, как все. Да вот только у каждого жеребёнка своя попрыжка!

– Ева рисует.

– Мать этого не разделяет. А отец... – Фаруза лишь махнула рукой.

– Интересно, любит ли Ева блинчики...

– Румянушка, кто ж их не любит?!

Странные звуки отвлекли Фарузу и Румяну от беседы. Из глубин дома академика раздавался шум. Но кто может шуметь в совершенно пустом доме?

Румяна вскочила, чтобы посмотреть, но Фаруза решительным жестом усадила её на место:

– Сиди. Я сама.

– Но Фаруза...

– Сказала: сама, – строго повторила домработница и скрылась за дверью.

Румяна последовала за ней, стараясь не шуметь.

Дверь из пристройки вела в холл коттеджа, а оттуда – в библиотеку, которую Румяна обследовала сразу, как оказалась здесь. Это было просторное, в полдома, помещение, из которого шла лестница наверх. Второй этаж располагался лишь над половиной библиотеки. Поэтому комната выглядела необычно: над её частью потолок был высокий – в два этажа. Одна стена, метров пять-шесть в высоту, была полностью занята книгами. Доступ к верхним полкам обеспечива-

ла складная стремянка. Румяне до дрожи нравилось это место, но стоило ей оказаться в библиотеке, Фаруза всегда была тут как тут. Она заглядывала через плечо, когда Румяна просматривала книги. Увидав как-то в одной из книг штамп – круг с загадочной надписью «Тревоговерт» по краю и кедром внутри, – девушка спросила, что это такое.

– Эклибрис, – произнесла тогда домработница слово, которое Румяна перекачивала во рту, пытаясь понять, какое оно.

На вид слово было вроде приятное, но внутри – какое-то колючее, беспокойное. Слово это не отозвалось, а сама картинка – тёмно-синий кружок – понравилась. Эклибрис был не на всех книгах, и тогда Румяна решила читать в первую очередь те, на которых стоял такой штамп. Фаруза, не оставившая Румяну в библиотеке одну, удивлялась такой избирательности.

И вот сейчас уже сама Румяна играла в преследователя – ей очень хотелось узнать, что там творится внутри. Из библиотеки слышалось недовольное бормотание домработницы и ещё какой-то шум – будто парус бился на ветру.

– Проваливай! – услышала Румяна грубое слово. – Потом мне всё расскажешь. Да поняла я, что новости срочные!

С кем могла разговаривать Фаруза?! Да с кем угодно – начиная от портьерного карниза и заканчивая книжным шкафом. «Не удивлюсь, если у неё и тут всё по именам-отчествам!» – думала Румяна. Когда шум прекратился, Румяна

услышала приближающиеся к двери шаги и предпочла исчезнуть, пока Фаруза не застучала её под дверь. Она выбежала из дома, но в пристройку не пошла: у неё появилась идея.

Спустя несколько минут Румяна, дрожа на ветру, стояла у порога соседнего коттеджа и всё сомневалась, правильно ли поступает. Но воспоминание о плачущей Еве придало сил, и она постучала. Потом заметила кнопку звонка и нажала на неё.

Дверь открыл бородатый мужчина и вопросительно поднял бровь, лениво осматривая Румяну равнодушным взглядом.

– Здравствуйте, я... учительница Евы.

Мужчина отошёл от двери, приглашая гостью зайти. Холл был большой, из комнаты напротив падал свет, оттуда вышла маленькая женщина с короткой стрижкой и в шёлковом домашнем халате. В доме витал еле заметный запах лекарств.

– Что она опять натворила? – Мама девочки решила обойтись без приветствий.

– О нет, что вы! – воскликнула Румяна. – Наоборот. Я пришла поблагодарить, у вас очень ответственный ребёнок.

Мужчина с удивлением воззрился на супругу. Будто похвала их ребёнку – это что-то более невероятное, чем самые загадочные тайны Кедрова.

– Я новая учительница в их классе, и сегодня Ева мне очень помогла. Она чуткий человек.

Супруги продолжали молчать, только переглядывались.

– Я просто живу тут рядом, поэтому решила зайти.

Румяне показалось, что хозяйева считают её визит затянувшимся, и она попрощалась. Едва вышла за калитку, как её обогнала Ева и встала, загораживая дорогу.

– Зачем вы припёрлись?

– Не припёрлись, а притазились. Так интереснее, не находишь?

Ева невольно улыбнулась, но тут же снова приняла злобный вид.

– Зачем вы пришли в мою семью?

– А что, на твоей семье заклятье? Нельзя переступить порог?

– Почти, – буркнула Ева и медленно пошла по улице.

– Зато я знаю, как снять заклятие!

Ева остановилась и удивлённо посмотрела на учительницу.

– Блинчики! Но только если их готовит волшебница Фаруза. Пойдём. – И она жестом пригласила Еву следовать за ней.

3

Ева села на краешек стула и незаметно осматривалась. Вид у неё был ещё более растрёпанный, чем в школе. Синие волосы, несогласные быть «хвостиком», яростно рвались на

свободу, а обретая её, свисали унылыми прядями. Легинсы неопределённого цвета, футболка надета наизнанку, джинсовая куртка счастливо избежала знакомства со стиральной машиной, кеды на босу ногу. При этом Ева тщательно вымыла руки и теперь, воспользовавшись гостеприимством Фарузы, поглощала блинчики один за другим.

– Очень вкусно! – поблагодарила девочка домработницу, отчего та засияла, как металлические бока Ивана Чаевича, и всё не уставала подкладывать добавки.

– Я не знала, что вы живёте здесь. – Ева наконец оторвалась от блинов, села поудобнее, подогнув под себя одну ногу, и взглянула на учительницу.

– Знаешь, здесь огромная книж... библиотека. Ты любишь читать?

– Не особенно.

– А что любишь?

– Рисовать. Только не просите показывать рисунки.

– Почему «не просите»?

– Ну, все, как узнают, что я рисую, сразу просят показать рисунки. Люди такие одинаковые.

– А почему нельзя посмотреть твои рисунки?

– А почему вы меня допрашиваете? – в тон учительнице спросила Ева.

Наступило молчание. Ева вытащила из-под себя согнутую ногу, села прямо и стала рвать блин на мелкие кусочки. Скоро у неё на тарелке лежала гора жареного масляного «тря-

пья».

– Ох, насупа, никто тебя не допрашивает, ешь себе спокойно! – Фаруза пригладила Евины волосы. Так гладят малышей, чтобы они успокоились.

– Везёт вам – вы взрослая, – сказала Ева после паузы, снова подгибая ногу. – Взрослые могут делать что хотят и жить где хотят. А дети не могут ничего. Детство – самое дрянное время жизни.

– Мрачно.

– Потому что ничего хорошего не происходит.

– А вот это враньё, – заявила Румяна, и Ева удивлённо посмотрела на неё. – Ведь есть блинчики Фарузы!

– Да, блинчики очень хороши!

– А то я уже думала, ты исповедуешь ересь «плохих Фарузиных блинов». Здесь таких медленно жарят на Фарузиной сковородке.

Фаруза пробормотала что-то невнятно-сердитое, а Ева, усмехнувшись, налила ещё варенья на тарелку.

– Конечно, не все обстоятельства жизни можно считать лёгкими... – задумчиво произнесла Румяна. – Кстати, осторожнее с этим вареньем. Оно с перцем.

Ева удивлённо посмотрела в свою тарелку, принюхалась и, взяв пробу пальцем, облизала его.

– Необычно. Почему с перцем?

– Потому что Фаруза не любит простых рецептов, – засмеялась Румяна.

– Потому что перец очень полезен, – проворчала домработница.

– Чем полезен перец? – удивилась Ева.

– Помогает преодолевать жизненные невзгоды, – произнесла Фаруза с таким видом, будто вещает очевидную истину неразумным младенцам.

– А некоторые всю жизнь прикрываются непреодолимыми жизненными обстоятельствами. Надо им настоящего перца насыпать! – заметила Ева.

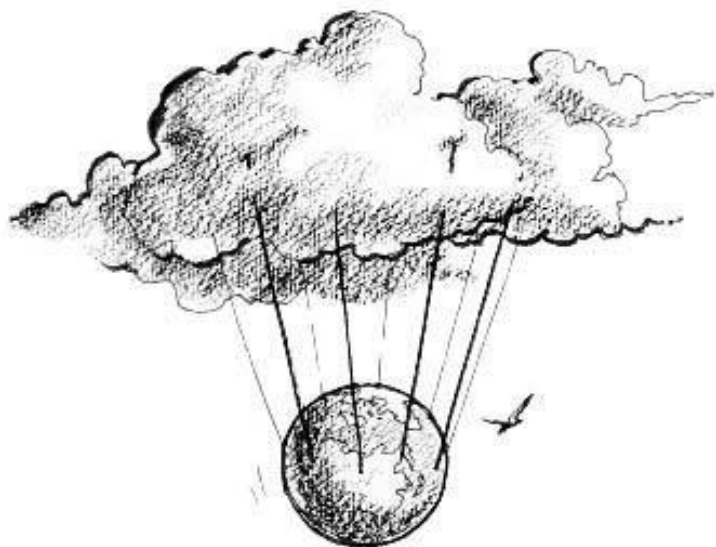
– Недавно я прочитала: «Всячески избегайте приписывать себе статус жертвы».

– Прямо в точку, – отвечала Ева. – Обычно взрослые говорят по-другому. То есть мои родители, например, могут мне по ушам ездить про ответственность, но при этом сами – всегда «жертвы обстоятельств»!

– Ты очень разумная девочка, Ева, – заметила Румяна.

– Вы тоже... кхм, – Ева прокашлялась, – разумная учительница.

– Разумная, да вот без головы! – сказала Фаруза. – Собралась на моей сковородке голодранцев каких-то жарить!

Глава пятая. Глава пятая спасти Еву

1

В столовой было шумно, как всегда на большой перемене. Румяна терпеливо ждала медленно продвигающуюся очередь. Вперёд то и дело влезали буйные старшеклассники, от-

талкивая безрезультатно возмущавшихся младших. По углам столовой, словно ладьи на шахматной доске, внимательно следили за происходящим «любимчики Барокко». Стоило Румяне появиться, все четверо сосредоточились на ней. Кислотный скривил губы в улыбке, длинный флегматично жевал очередную зубочистку; те, что были похожи друг на друга, напоминали боксёров в ожидании команды «бой!».

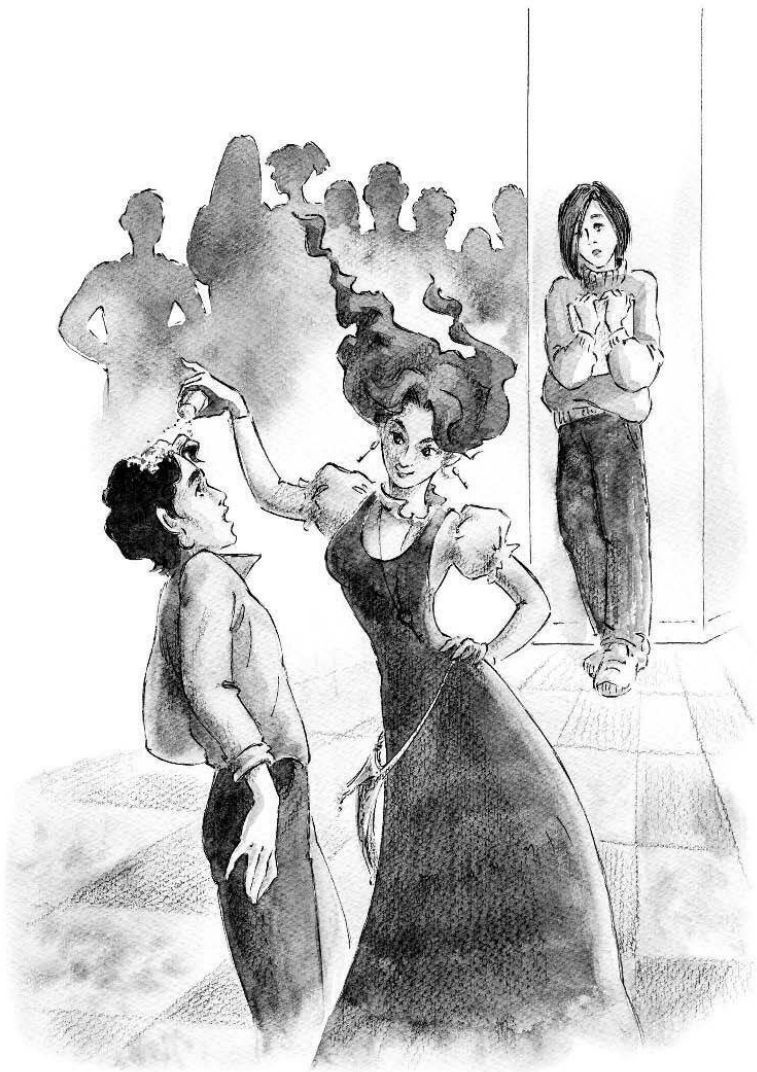
– Эй, пусти, мне только булочку с компотом! – прикрикнул высокий брюнет из седьмого «Б», Олег Елагин, на пятиклассника.

Взяв завтрак, Олег пошёл было к подоконнику, где собрались парни из его класса, но по дороге его завернула София и что-то шепнула, кивнув в сторону. Румяна проследила за взглядами принцессы и её «верноподданного», и сердце у неё упало: вжавшись в колонну, словно мечтая раствориться в ней, одиноко стояла Ева. Она что-то жевала, завесившись волосами и опустив глаза. Олег ухмыльнулся и направился в сторону синеволосой одноклассницы.

– Помой волосы, Звеницкая! – И он опрокинул содержимое стакана на голову девочки.

Румяна не успела как следует обдумать свой порыв. Она схватила со стола солонку и неистовой, жаждущей возмездия фурией поспешила к Олегу. Тот же так заразительно хохотал, заставляя окружающих присоединиться к его веселью, что даже сразу не понял, что случилось, пока смысл слов учительницы не дошёл до него:

– Хоть немного соли в твою пустую голову, – провозгласила Румяна, посыпая густую шевелюру семиклассника. – Чтобы ты весь осолится, безголовая ты гнилушка!

Смех тут же стих, и все, кто находился в столовой, воззрились на учительницу, которая, кажется, сошла с ума. Нитро быстрым шагом вышел из столовой. Олег в затянувшейся тишине отпрянул от Румяны, стряхивая соль, которая сыпалась с тёмных волос, как перхоть. Она тем временем решительно взяла за руку Еву и пошла к выходу. Но тут путь ей преградил директор.

– Если вас не затруднит, – прошелестел он, – пройдите ко мне в кабинет.

Румяна, собрав весь свой оптимизм, подмигнула Еве, оглядела ошеломлённые лица присутствующих и бодрым шагом отправилась вслед за директором, вручив солонку оторопевшему Олегу.

2

Первые минуты Румяна и Барокко молчали. Директор указал Румяне на пуф, а сам уселся в большое кресло возле зверинца, положил руки на подлокотники и сложил вместе пальцы. Замерев в таком положении, он уставился на учительницу безо всякого выражения своим стеклянным взглядом. Та предпочла рассматривать зверей, лишь бы не встретиться глазами с Барокко. Наконец директор дёрнулся и произнёс:

– Ну?

– Иду ко дну? – ответила Румяна вопросом на вопрос.

Директор попытался понять: это издёвка или уточнение.

По её невозмутимому лицу было не разобрать, с какими чувствами она сидит перед ним, и эта невозможность разгадать странную учительницу выводила его из себя.

– Дно пока не достигнуто, но вы на верном пути, Румяна Игоревна, – процедил он. – Кто надоумил вас высыпать соль на ученика?

– Это было так логично после того, как он вылил компот на Еву.

– Где вы здесь увидели логику? – Барокко казался сбитым с толку.

– Гм-м... Ну, во-первых, солью отчищаются пятна от компота. – Румяна взглянула наконец на директора и увидела, как его лицо вытянулось от удивления. – Во-вторых, соль применяют при консервации продуктов. Сохраняет от гниения. Что ещё? Еще солью называют смысл того, что имеется в виду...

– Хватит! – Барокко замахал на Румяну руками и вскочил с кресла. Он прошёлся до стола, открыл и закрыл ящик, задвинул кресло и вернулся на место. – Зачем вы это сделали?

– На самом деле я не знаю. Это был порыв... – Румяна вдруг сникла и смутилась.

Барокко, заметив проблеск адекватности, смягчился:

– Душить надо такие порывы, Румяна Игоревна. А теперь расскажите: что произошло в столовой?

– Олег Елагин вылил на голову Евы компот...

– Что за Ева? – нахмурился Барокко, постукивая пальцем по подлокотнику. – Недавно у нас учится?

– Новенькая. Ева Звеницкая...

Перестук прекратился. Услышав фамилию, Барокко изменился в лице. Но самым удивительным в этот миг были его глаза. Румяна увидела в них вспышку какого-то живого чувства... Гнева? Боли? Или чего-то ещё более сильного... Но рассмотреть она не успела: Барокко быстро взял себя в руки и злобно произнёс:

– И что, вам есть дело до этой Евы Звеницкой?

– Конечно! – пылко воскликнула Румяна. – Она же учится в моём классе, и её там травят! Вы не представляете, всем классом они её...

– Вам знакомо слово «селекция»? – ни с того ни с сего спросил Барокко.

Румяна помолчала и ответила:

– Знакомо. По одной книге, и как раз...

– Я рад, что вы читаете серьёзные книги, Румяна Игоревна. – Барокко почему-то поморщился. – Вы также должны знать, что результатом селекции являются улучшенные версии сообщества животных. Давайте-ка я вам расскажу одну историю. Кажется, это становится нашей с вами традицией. Историю про КИТЕЖ. – И Барокко привычно удобно устроился в своём необъятном кресле.

– Про чудесный город? – Глаза Румяны загорелись.

– Почти, – усмехнулся Барокко. – Кедровский Институт Типологии Естественной Жизни. Там проводятся действительно уникальные, можно сказать, чудесные исследования! Некоторые открытия, известные сегодня во всём мире, осуществили учёные из нашего КИТЕЖа. Кстати, папа Олега Елагина – заведующий одной из лабораторий в этом институте.

– Почему «кстати»? – спросила Румяна. – Это он научил Олега выливать компот на голову? Странные методы воспитания...

– Нет, – отрезал Барокко, и его губы недовольно изогнулись. – «Кстати» – потому что он очень уважаемый человек, и не только в Кедрове. Хочу, чтобы вы это запомнили.

Румяна пожала плечами. Барокко посверлил её своими чёрными дырами глаз и продолжил:

– КИТЕЖ совершил прорыв в биологической науке – обучил животных речи. Русскому языку! Самыми способными к обучению считаются птицы, особенно вёроны, попугаи, колибри, воробьи; но только самцы, и то пока они молодые. В Кедрове, как всегда, получилось по-другому. Началось всё с одомашнивания лисиц. Из потомств каждый раз отбирались наиболее дружелюбные лисы, и этот признак наследовался следующими поколениями. Потом выяснилось, что дружелюбие также открывает большие возможности для обучения языку, в итоге лисы стали самыми разговорчивыми животными!

– Почему именно лисы?

– Учёные шутят: это потому, что ген речи называется «Лис»⁴, – улыбнулся Барокко.

– В прошлый раз вы говорили, что учёным недостаёт чувства юмора.

– О, вы запомнили наш разговор? – Барокко с довольным видом поднял бровь. – Те, что по живой природе, – это другие учёные. У них, в отличие от проверщиков воздуха, большие успехи. Наверняка эти вещи связаны – научный успех и чувство юмора. Ну а если серьёзно, то разговаривают лисы только здесь, в Кедрове. Если их увозят – все приобретённые навыки теряются. И мы опять возвращаемся к особенностям этого места, которые пока ускользают от учёных.

– Вы говорили, дело в особом воздухе?

– Это понятно, но почему он именно такой, этот воздух, и именно здесь – никто не знает. Помните профессора Троппа из университета? Он предлагает своё объяснение, сказочную версию! Он добрый старичок, но серьёзно к нему никто не относится... – Барокко замолчал, вставил в глаз линзу и уставился на гостью.

– Илья Петрович, как вы от Евы перешли к лисам? – прервала затянувшееся молчание Румяна.

– Всё очень просто, – тут же отозвался Барокко, убрав монокль. – Селекция. Она работает везде. В мире людей, как и в мире животных, те же правила.

⁴ Учёные считают, что за развитие речи у человека отвечает ген FOXP2.

– Я вас не понимаю...

– Вот вы, Румяна Игоревна, устроили скандал. Что будет, если родители Елагина узнают, что вы сделали? Вы задумывались об этом вообще? – Илья Петрович рассердился.

– А вы задумывались о Еве и о её родителях? – Румяна приподнялась на пуфе, всматриваясь в пустоту глаз Ильи Петровича в поисках отклика. И опять она заметила что-то живое, промелькнувшее в их безжизненной глубине.

Барокко облизал сухие губы и спросил:

– При чём здесь Звеницкая?

– А при том, что её травят всем классом. И Олег, кем бы ни были его родители, один из главных в этом мерзком преследовании. И знаете что? – Румяна задрала подбородок, готовясь сказать нечто неприятное и принимая на себя все последствия. – Я знаю родственника той, которая начала всю эту травлю и руководит всем, что творится в классе... София Барокко вам кем приходится?

Пока Румяна говорила, Илья Петрович сидел со сжатыми в нитку губами. Разжав рот усилием воли, он выдавил:

– София моя племянница. Но вас это не касается. Ваше дело – вести географию. А не высыпать соль на головы учеников. Вы должны быть им примером, вести себя педагогично и...

– А пока я буду педагогично вести географию, вы будете спокойно проводить... – Тут голос Румяны задрожал, она в отчаянии взмахнула рукой. – Проводить селекцию! Так вы

это называете?

– Эта девочка – слабое звено в стае, а вам бы полезно обратить внимание на сильных... особей. – Теперь Илья Петрович выглядел спокойным и даже отрешённым.

– «Особей», – повторила Румяна и покачала головой. – «Чужая скотина – не животина». У вас и к детям такое же отношение.

– В *моём* лице, – подчеркнул Барокко, – каждый сверчок знай свой шесток. А ваш под вами зашатался! Я делаю вам предупреждение. И не посмотрю на то, кто ваш покровитель. Я взял вас только из-за рекомендации Ампирова. У нас элитная школа, ваши выходки здесь неуместны. Теперь можете идти.

Выйдя в коридор, Румяна прислонилась спиной к двери кабинета. Стая, звено, селекция... Лисы, Китеж, гены... Слова кружились в голове, отталкиваясь друг от друга, множились, переплетались и отказывались складываться в ответ. Не подсказывали решение проблемы. Говорящим по-русски лисам живётся в КИТЕЖЕ наверняка лучше, чем Еве в лучшем лице города.

Румяна пошла было вперёд, но, задумавшись, не заметила того, кто шёл навстречу, – столкнулась с завучем и по совместительству учителем музыки Петром Ильичом Чайкиным. Её сердито сведённые брови, раскрасневшееся лицо и слегка растрёпанные от возмущения волосы красноречивее слов поведали завучу о только что произошедшей ссоре. Чайкин

оглядел её и заявил:

– Деточка, вашим волосам нужен уход.

– Ну и что мне сделать, чтобы они ушли? – ответила Румяна, думая о своём.

– Ах-ха-ха, как мило! – раздался смех завуча. – Никак, нагоняй схлопотали, деточка? – улыбаясь в пышные усы, спросил Чайкин. Музыка настолько владела всем его существом, что он даже ходил, будто пританцовывая. – Но знайте, я на вашей стороне! Все эти перекосы у деточек, – он, кажется, всех называл деточками: и учителей, и учеников, – всё это возрастное, всё это пройдёт. По-настоящему лишь искусство может наставлять детей без упреков, без нотаций.

– Интересная мысль, – произнесла Румяна, приглаживая косички, которые всё равно закручивались вверх. – И как, вам удаётся помирить детей?

– Что вы, что вы! – замахал маленькой пухлой ручкой Чайкин. – Куда мне! Моцарт, Бетховен – это всё их заслуга. Моцарт заряжает их бьющим через край счастьем, Бетховен трогает их души страданием... – Пётр Ильич замолчал, сам до глубины души тронутый страданием Бетховена.

– Как вам удаётся ладить с директором?

Румяне казалось, что эти двое настолько разные, что им просто невозможно работать вместе.

– Говорю с ним на его языке. – Пётр Ильич таинственно улыбнулся.

– «На его языке»? – удивлённо повторила Румяна.

– Да. Науки, искусства – это всего лишь языки общения. Кому непонятен язык музыки, может быть понятен другой – например, язык цифр. Или язык денег. Или... да мало ли на свете языков!

– А вы, оказывается, полиглот! – улыбнулась Румяна.

– Вот с вами мы говорим на одном языке, – просиял завуч и, слегка поклонившись, пошёл к себе в кабинет.

3

Урок географии был после большой перемены. Ева одиноко сидела за последней партой и что-то рисовала в скетч-буке, отгородившись от мира длинными «шторами» синих волос. Румяна выставляла в журнал оценки, поглядывая на девочку. Постепенно класс заполнялся учениками. Каждая из входивших девочек приближалась вплотную к Еве и что-то шипела ей чуть ли не в ухо. Румяна прислушалась.

– Бесишь! – выплонула Лика, подружка Софии, и тут же отошла к своей парте.

– Ты меня бесишь! – тихо произнесла другая, имя которой Румяна ещё не запомнила.

Каждая произносила это «бесишь» и тут же отходила. После очередного «Бесишь, бомжа!» Румяна не выдержала и резко встала. Девочки заинтересованно, но без боязни смотрели, что сделает учительница.

– Чей приказ выполняете, фанатки? – обратилась к девоч-

кам Румяна.

Когда в класс вплыла Софа, все взгляды оказались прикованы к ней.

– Красноречивый ответ, – ответила сама себе учительница и попросила Софию выйти с ней в коридор.

Прозвенел звонок, и Румяна молча показала на доску – там её особым витиеватым почерком было написано задание.

Закрыв дверь за спиной, Румяна внимательно посмотрела на Софию. Лицо девочки было невозмутимым, взгляд – нечитаемым.

– Что не так с Евой, София? Почему ты к ней прицепилась?

– С чего вы взяли?.. – начала было девочка.

Но Румяна перебила:

– Неправильный ответ, София, попробуй снова.

София изящным жестом убрала художественно упавшую на лоб прядь светлых волос и заявила:

– Она клеит моего парня.

– Кле-еит... – задумчиво протянула Румяна. – Разве он сломался?

– Олег мой парень, я не позволю этой бомже увести у меня его.

– Найди верёвочку покрепче и привяжи.

София злобно смотрела на учительницу:

– Таким, как она, вообще не место в нашем лицее! У нас элитная школа! А эта бомжа... Вообще, когда её дед отки-

нется, дом у них заберут, и все они окажутся на улице. Ничтожества!

– Тебе это всё твой дядя рассказал? – Румяна прищурилась, пристально разглядывая ученицу.

– Вы... какое вам дело! Вы вообще здесь временно, вас скоро заменят нормальным учителем!

– Пока я твой ненормальный учитель, ты перестанешь доставать Еву, тебе ясно?

– А что вы мне сделаете?

– Ты не боишься, – шёпотом начала Румяна, – что у ненормального учителя могут быть... не вполне нормальные методы? – Она растянула губы в безумной улыбке, подходя поближе.

– Э-эй... вы чего?.. – София испуганно отстранилась, вжавшись в стену.

Внезапно за дверью раздался взрыв хохота. Когда Румяна и София вошли в класс, там уже вовсю шло веселье. Лика, подпевала Софии, выхватила у Евы рисунок и, приплясывая, побежала к доске – хотела прикрепить его магнитом, чтобы все могли посмотреть. Ева бросилась за ней. Лика была намного выше Евы и держала листок прямо над синей головой девочки. Ева крутилась и подпрыгивала, чтобы выхватить рисунок, но безуспешно. Над этими «танцами» и потешался весь класс. Наконец Лика преуспела и, придерживая одной рукой Еву, другой повесила рисунок на доску. Внезапно все замолчали, по классу прокатился шорох изумления.

На рисунке маркерами были нарисованы двое – девочка с синими волосами и темноволосый мальчик держались за руки. Ни у кого не возникало сомнения, что это...

– Вау, это ж Елагин, народ! – выкрикнул кто-то. – Со Звеницкой за ручку идёт.

Побледневший Олег спрятал глаза, склонив голову низко над партой. София взглянула на него, сверкнула на Еву взглядом, полным яда, и решительно направилась к доске, чтобы сорвать картинку. Но Румяна взяла картинку и спрятала её за спиной. София не рискнула вырывать рисунок из рук учительницы и нехотя вернулась за свою парту.

– Раз уж получилось так, что мы увидели твоё творчество, – обратилась Румяна к Еве, – то позволь выразить восхищение: ты – настоящий художник!

Ева не выдержала и выбежала из класса, вытирая на бегу хлынувшие слёзы.

– А вы не завидуйте. Зависть пахнет бессилием, – обратилась Румяна к остальным, когда дверь за Евой захлопнулась.

– Эта уродка никогда не впишется в наш класс! Зря вы за неё застываетесь, – с вызовом произнесла София.

Вдруг дверь распахнулась. Румяна думала, вернулась Ева, но нет: в класс, нагло ухмыляясь, ввалились четверо – знакомые ей парни в худи. Среди учеников побежали шепотки. Нитро прошёл на середину класса. Трое ждали поодаль, у самой двери. У длинного в уголке рта торчала зубочистка.

– Здравствуйте, – мимолётно кивнув учительнице, бросил кис-

лотный. – Софа, ну ты выходишь? Сколько тебя ждать?

– Вы чё, у меня урок? – заулыбалась София и, посмотрев в глаза учительнице, состроила язвительную гримасу. – Хотя... мы уже закончили.

Поправив волосы, София скинула всё со стола в рюкзак и походкой от бедра подошла к Нитро. Тот приобнял её за талию и, подтолкнув слегка вперёд, вслед за друзьями вышел из класса. Пока дверь не закрылась, в проём просунулась голова Нитро, и он повторил жест – «я слежу за тобой».

Румяна повернулась к классу. Она была смущена – но смущение показывать было нельзя. Что же ей делать?

– Ну и как это называется? – развела она руками.

– «Баба с возу – кобыле легче», – раздражённо произнёс

Олег.

И хотя их нельзя было назвать лучшими друзьями, Румяна почувствовала облегчение, потому что класс засмеялся.

4

Тянулись минуты. Румяна молчала. Класс с любопытством смотрел на неё. Что им сказать? Столько эмоций, много ненависти, что ей предпринять? Она ведь совсем не учитель, и сейчас она была близка к провалу, как никогда. Должно быть какое-то волшебство, которое помогает учителям справляться с такими случаями! Правда, одно Румяна поняла для себя точно: нельзя позволить детям наломать дров...

и бросить в топку собственную жизнь. Ведь именно этим они сейчас так самозабвенно заняты!

– Замечали ли вы, как растёт лес? – вдруг спросила Румяна. – Каждое дерево тянется к солнцу. Оно стремится стать выше других, выбросить ветви вверх, заслоняя путь своим соседям. Каждое дерево для другого – враг. Но вместе они – лес, и благодаря состязанию деревья вырастают прямыми и мощными. Враги дерева – это и его друзья. Вы напоминаете мне лес, – улыбнулась она и неожиданно спросила: – В каких климатических поясах находится Россия?

Ребята вздрогнули, будто очнулись ото сна. Какие ещё климатические пояса?! Ведь только что было так интересно!..

Один мальчик неуверенно поднял руку:

– В умеренных?

– Да, но не только. Субтропики – относительно небольшая полоса вдоль побережья Чёрного моря. Пар будем выпускать «на море» – на переменах. Разрешается немного побунтовать. Но в целом, запомните, у нас климат умеренный, арктический или субарктический. Суровые условия в общем-то! Чтобы их преодолевать, населяющие нашу территорию народы выбрали определённую стратегию. Кто знает, какую?

– Шубки носить, – хихикнула Лика.

– Жить дружно. Так что самое время начинать учиться выживать в местности с суровым климатом.

После урока географии всем стало ясно, что София при-

цепилась к Еве из-за Олега. Ева оставалась безутешной. Больше всего она боялась того, что о её чувствах кто-то узнает. И, как часто бывает, случилось именно то, чего она так опасалась. Румяна догнала Еву, когда та бежала к дому, чтобы поскорее скрыться ото всех в своей комнате за светлыми занавесками.

– Ева, подожди, я ж не учитель физкультуры! – сипло крикнула Румяна, запыхавшись.

– Вот именно. – Ева резко остановилась и на пятках развернулась лицом к учительнице. – Вы – всего лишь географичка! Вы даже не психолог! Чего вам от меня надо? Чего вы лезете в душу?! Хвалите перед классом, а на самом деле унижаете! Теперь они не оставят меня в покое.

– Жалеть о том, что уже произошло, – самое глупое занятие в жизни, не находишь?

– Что вы им сказали? – невольно выказала свой интерес Ева.

– Я им сказала то, что они и сами знают: тебя задирали из зависти и слабости. Надеюсь, теперь они займутся чем-то поинтереснее, чем цепляться к тебе.

– Вы не понимаете. Софа этого так не оставит. Она не стерпит конкуренции. – И Ева, развернувшись, пошла домой.

«Вы не понимаете... не понимаете...» Румяна смотрела, как грустная Ева открывает калитку и бредёт к дому. «Вы не понимаете...» На втором этаже в комнате со светлыми занавесками

весками открылось окно, синие волосы мелькнули и исчезли.

«Я действительно ничего не помню и не понимаю, – думала Румяна. – Кроме того, что Еву нужно спасти».

5

Фаруза убирала со стола, а Румяна задумчиво разглядывала остатки кофе в чашке. Она вспоминала прошедший день, находила в нём исключительно неудачные моменты, пыталась придумать, как надо было ответить, а где следовало промолчать. Дети заполнили всю пустоту, которую она ощущала на прошлой работе. Неужели все учителя так живут – мыслями об учениках? Говорить о чём-либо, кроме школьной жизни, казалось пресным. Фаруза обиженно гремела тарелками: Румяна за ужином не поддержала ни одного её разговора, молча ковыряла еду и выглядела рассеянной.

В дверь постучали, Фаруза пошла открывать.

– Кто? – спросила Румяна у вернувшейся домработницы.

– Конь в пальто? – буркнула та и впустила посетителя.

Ампилов собственной персоной.

– Здравствуйте, Винир Виленович. Мы только что поужинали, не хотите ли?..

– Спасибо, я ненадолго. – Ампилов прошёл на кухню, не снимая обуви, – так было заведено в среде научной аристократии Кедрова.

– Румяна Нарекаци, нам надо поговорить. Наедине. – Ам-

пиров выделил последние слова и выразительно посмотрел на домработницу.

– Ой, какие секреты! – Фаруза бросила полотенце на стол. – Пойду, у меня там стирки – конь не валялся!

«Интересно, какая там у неё стирка, когда мы вчера перестирали всё бельё?» – подумала Румяна и улыбнулась.

– Что там у тебя с Барокко? – Ампилов сразу перешёл к делу.

– Который из двух Барокко вас интересует? – Смущение, которое Румяна привычно испытывала перед начальником, таяло, как первый снег.

– Научилась умничать, Румяна Нарекаци? – злился Ампилов. – С чего ты к Софии прицепилась? Оставь девочку в покое. Зачем доводить до того, что её дядя ругается такими словами... хм.

– Винир Виленович, София с попустительства дяди травит девочку. Вам в подробностях?

– Родители Софы помогают школе, – отрезал Ампилов. – Они имеют право на то, чтобы их дочке было комфортно учиться.

– Их дочка съест девочку, не подавится. Тогда Софе будет очень комфортно, она ж питается одноклассниками.

– Ладно, Звеницкую уберём, не переживай.

– То есть как это – «уберём»? – Румяна от возмущения даже встала со стула и сжала кулаки. – Куда это – «уберём»?! Она вообще-то по закону имеет право учиться в лицее. Её

родители...

– Вот именно! Её родители! Когда деда не станет, их вышвырнут отсюда. Отец её вообще никто, а мать Евы надеялась по связям отца получить место завлаба института, но это место Елагина... Короче. Ничего она не получит. Им придётся уехать. Всё. Тебе ясно, Румяна? Девочке в Кедрове ловить нечего!

– Это мы ещё посмотрим! – Румяна опёрлась на кухонный стол и сложила руки на груди.

– Не хотелось бы ставить тебе условия, Румяна, но приходится: если хочешь остаться в школе, погаси свою бурную деятельность.

Когда Ампиоров ушёл, разгневанная Фаруза заглянула в кухню:

– Ушёл твой Вельмар Варанович?

– Всё слышала, да?

– Нет, ну ты погляди, чего творят! – Фаруза не чувствовала ни малейшей неловкости оттого, что слышала разговор. – Бедный ребёнок! Родителям не нужен, да ещё интриги такие вокруг неё. А знаешь, кто виноват? – Она неожиданно решительно посмотрела на Румяну: стало ясно, что сейчас та узнает какой-то секрет о кедровских сливках общества. – Илья Барокко с ума сходил по Зое Звеницкой, это мать Евы. Злые языки говорили, что всё из-за карьеры – связи отца Звеницкой открывали ему новые возможности. А она возьми да и выбери никому не известного художника Тузичкина!

Тогда они как-то слишком быстро уехали из Кедрова. Приехали только вот сейчас, когда отец стал совсем беспомощным. Звеницкая ещё дочке свою фамилию дала – думала, так будет легче пробиться. Тузичкин работал оформителем в местной типографии. Оформитель – это, знаешь, не академик!

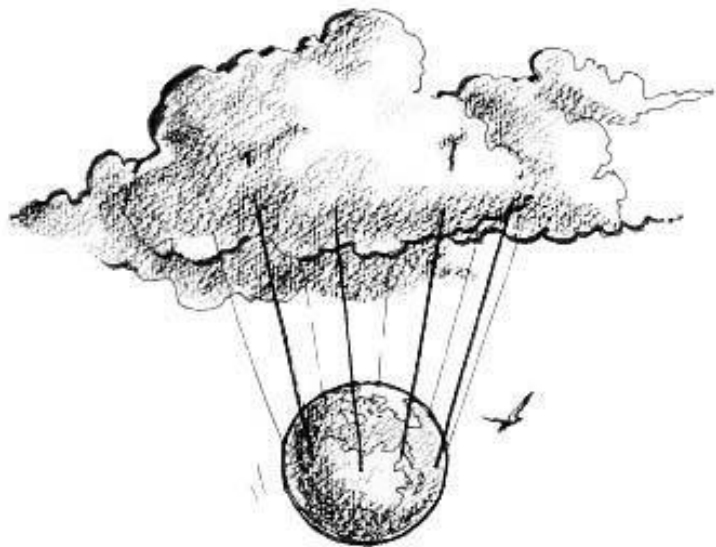
– «Разочаровался сам – помоги другому!» Девиз Барокко по жизни, – саркастически заметила Румяна.

– Руки загребущие, глаза завидующие у этих Барокко!

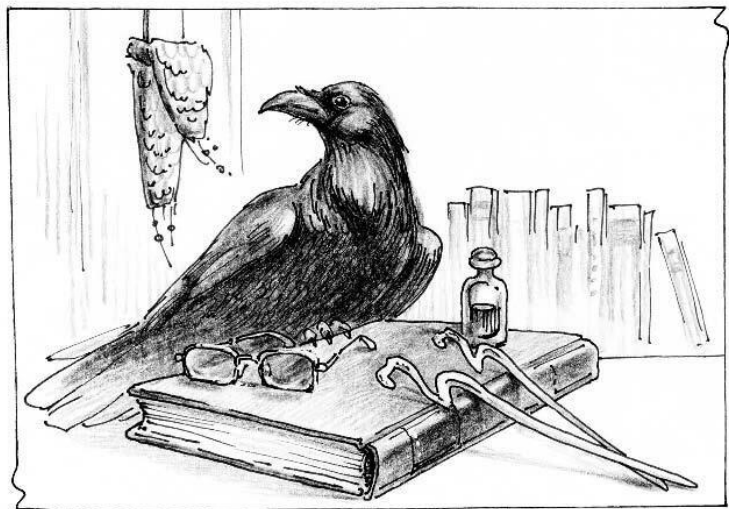
– Ева как разменная монета в этой некрасивой ссоре. Ни в школе нет радости, ни от родителей – поддержки.

– У них в семье всегда Звеницкая голова. Чего захочет – дай да роди. А дочка талантами в отца пошла, так мать её считает неудачницей. Надо же, художница! Не в их породе. Помешались тут все на породе, будто лошади это, а не люди.

– Если и лошади, то Ева, определённо, боевой конь, – ответила Румяна, незаметно для себя переходя на «лошадиный язык» Фарузы.

Глава шестая. Спицы и очки

1

Через неделю у входа в лицей Румяну встретил Олег. Вид у него был смущённый, но решительный. Тёмные волосы парня трепал ветер; они переливались, струились, как шёлк. Интересная внешность, проникновенный взгляд, Еву можно

понять. Вдруг Румяну пронзило: где-то она видела такие же волосы, гладила их даже. Так же с ними играл ветер! Какая родная, знакомая картина; что-то сжалось в груди, так что она чуть не вскрикнула. Широко раскрыв глаза, она смотрела на Олега, а он спросил, не замечая реакции учительницы.

– Румяна Игоревна, я насчёт Звеницкой...

«Почему это меня не удивляет?» Румяна взяла себя в руки и даже улыбнулась. Бывший враг превращается в сообщника!

– Поговорите с её родителями! Пожалуйста, – добавил он.

– Думаешь, им пора узнать, что весь класс травит их дочку?

Олег покраснел.

– Пусть её переведут в другую школу, потому что... – Он внезапно замолчал.

Румяна проследила за его взглядом: к ним приближалась София. Вид у неё был как у хищницы, почуявшей добычу.

Когда Румяна повернулась, спина Олега скрылась за дверью. Происходило что-то интересное: Олег избегал Софию и заступался за Еву.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.